

БИОГРАФИЯ МАРШАЛА МАРМОНА, ГЕРЦОГА РАГУЗСКАГО.

Маршал Мармон лицо историческое. Жизнь его, соединенная со многими важными событиями Наполеоновской эпохи, должна быть особенно любопытна для читателей книги, которую представляем мы в Русском переводе. В самом деле, кто не пожелает узнать ближе этого замечательного человека, который с самых юных дней и до маститой старости отличается необыкновенными дарованиями, ясностью ума, наблюдательностью, и при том спокойствием во всех самых обширных и глубоких соображениях своих? Мы увидим здесь подтверждение истины, доказанной тысячу раз, что мудрость опытности и возвышенность над событиями бывают следствием великих трудов, испытаний, и — несчастий.

МАРМОН (Огюст-Фредерик-Луи-Виесс де) родился в Шатильоне при-Сенском, 20 Июля 1774 года. Еще в 1789 году, то есть пятнадцати лет, он был записан в службу подпоручиком в один пехотный полк. Тогда во Франции дворяне могли покупать своим детям чины, даже когда те были еще в колыбели. Но отец молодого Мармона, сам старый служивый, получивший крест св. Людовика за храбрость, оказанную им при осаде Магона, хотел чтобы сын его был образованным, истинным офицером, и поместил его в Шаловскос артиллерийское училище. Виесс Мармон с большим отличием кончил там курс наук, и в 1792 году, уже поручиком первого артиллерийского полка, начал свое военное поприще в Альпийской армии. Он был помещен в роту, остававшуюся без начальника, и командовал ею. По месту своему, он, после осады Тулона, был произведен в капитаны. Бонапарте, тогда начальник артиллерии в Итальянской армии, знал его и прежде, но тут он особенно полюбил молодого капитана и оказывал ему дружескую привязанность. Но вскоре обстоятельства удалили Бонапарте от всех дел, и Мармон поехал в корпус, осаждавший Майнц, где назначили его начальником артиллерийского штаба. 13-е Вандемира открыло новую эпоху: Бонапарте получил в начальствование Итальянскую армию, и тотчас вызвал к себе Мармона, назначив его своим адъютантом. С этого времени судьба молодого адъютанта нераздельно соединилась с судьбою величайшего полководца новых времен. Настали годы исполинских подвигов, и Мармон участвовал почти во всех битвах первого Итальянского похода. При Лоди он заслужил почетную саблю; при Кастилионе начальствовал конною артиллериею, которая способствовала успеху всего сражения; при Сен-Жорже он блистательно овладел предместным укреплением. Главнокомандующий отправил его в Париж, с двадцатью двумя знаменами, отнятыми у неприятеля в день битвы и правительством, в награду военных отличий Мармона, произвело его в полковники. Тогда же был он назначен командиром 2-го конно-артиллерийского полка.

Бонапарте вскоре сам возвратился в Париж и собрал вокруг себя всех отличных военных, которых узнал он в последний поход. Ему надобны были люди необыкновенные, потому что он предпринимал подвиг необыкновенный, который многим казался даже неисполнимым. Мы говорим о походе в Египет. Огромная, блистательная экспедиция отправилась к берегам Африки, и прежде всего остановилась подле острова Мальты, которым надобно было овладеть, как пунктом необходимым для будущих успехов. Французы сделали высадку на

берег, и Мармону назначено было при том одно из самых затруднительных мест: пятью батальонами он окружил крепость от моря до водопровода, где неприятель мог действовать с большою выгодною. Мальтийцы сделали вылазку против него, но были отражены так стремительно, что смешались совершенно, бросили знамя, и нестройною толпой теснились в ворота, при чем рубили своих и понесли ужасную потерю. Такая неудача тотчас заставила их изъявить покорность, и Мармон справедливо был награжден, за отличный подвиг свой, чином бригадного генерала. По выходе на берег Египта, он участвовал в первом значительном сражении при взятии Александрии, и потом в битве при Пирамидах. Когда Бонапарте отправился с главною армиею в Сирию, он оставил Мармона губернатором Александрии самого важнаго места в тогдашних обстоятельствах. Город нуждался во всем, но умный начальник нашел средства сделать его неприступным, собрал в нем множество пособий для армии, и умел сохранить его от Англичан, от Турок, от голода и язвы. Наполеон знал к кому и в чем мог иметь он доверенность, и по возвращении из неудачнаго похода своего к Сен-Жан д'Акре, велел Мармону тайно приготовить все для отплытия во Францию. Известны следствия возвращения его в Париж: после 18-го Брюмера, Бонапарте сделался посетителем Франции, под названием Перваго Консула. Обращая внимание на все части, он вверил Мармону начальство над резервною артиллериею армии. Его попечениями, деятельностью и неутомимостью в усилиях, артиллерия резервная, при открывшейся вскоре кампании, могла перенестись через Сент-Бернар и прошла под огнем Бардскаго укрепления. В битве при Маренго, Мармон лично управлял своею артиллериею, и способствовал успехам знаменитой победы, которая, можно сказать, окончила весь поход. Первый Консул наименовал своего вернаго помощника дивизионным генералом, и он с успехом действовал потом на берегах Минчио и Адига. После заключения мира, Мармон был назначен генерал-инспектором артиллерии. Он тотчас занялся вверенною ему частью, и сделал в ней многия улучшения, оставаясь инспектором артиллерии до того времени, когда Наполеон соединил свои силы в Булоньском лагере, готовясь внести войну в сердце Англии. Мармон ревновал участвовать в таком громком предприятии, и принял в командование войска, собранныя в Голландии. Они составили 2-й корпус большой армии, когда Наполеон вдруг ринулся в Германию. После взятия Ульма, Мармон пошел в Штирию, а в Июле 1806 года был назначен главнокомандующим армии в Далмации. Дав несколько сражений там, он очистил от неприятелей всю область, и, когда возстановилось спокойствие, занялся устройством ея. В Далмации не было дорог. Прежние обладатели ея, Венециане, властвовали также морем, и через него имели с нею все сношения, стараясь даже чтобы дороги были затруднительны, потому что они опасались приближения по ним Турок. Французы были совершенно в иных отношениях: они не смели показаться на море, и непроходимыя дороги чрезвычайно стесняли их движения. Мармон решился устроить новые, легкия сообщения, и не имея для этого денег, начал работы руками своих солдат. Верно обдуманый им план был исполнен так хорошо, что с небольшим в год, к концу 1808 года, в Далмации было окончено семьдесят льё превосходных дорог и шоссе. Наполеон, желая выразить все свое удовольствие за такой необыкновенный подвиг, наградил Мармона титулом *Герцога Рагузскаго*. В начале 1809 года, предвидя новую войну, император дал ему инструкцию для отдельных действий, в подкрепление Итальянской армии. Как скоро открылась война, Герцог Рагузский, обезопасивши наперед все главнейшие места вверенной ему области, выступил в поход с двумя дивизиями пехоты (9,500 человек, под начальством генералов Монришара и Клозеля), с 300 человек кавалерии и 12-ю орудиями. Против него находился корпус Австрийский, вдвое многочисленнейший, но он разбил его в нескольких сражениях и взял в плен самого корпуснаго командира. В одном из этих сражений, при Градшац, Герцог Рагузский был ранен пулею в грудь. На Драве ожидал его другой Австрийский корпус, генерала Гиулая, у котораго было 35,000 человек. Герцог Рагузский оттеснил его к Венгрии, и пришел с своими войсками на берега Дуная накануне Ваграмской битвы. Он участвовал в этой жестокой битве, и потом, приняв начальство над одним из авангардов большой армии, преследовал неприятелей, сражался с ними, 10-го и 11-го Июля при Понсдорфе, при Цнаиме, и к нему обратился эрц-герцог требуя перемирия. 12-го Июля,

Герцог Рагузский был награжден чином Маршала Империи. Он получил это высшее военное достоинство после многих сверстников своих, может быть меньше его достойных наград, но за то получил на поле битвы.

Венским мирным трактатом Австрия уступила Франции Далмацию, Истрию, Рагузскую область, обе Кроации, и другие области, принадлежавшие ей изстари, или перешедшие под ее владение от Венециан. Наполеон составил из них одну обширную провинцию, под названием *Иллирийских Областей*, и назначил Герцога Рагузского генерал-губернатором ее, с самою неограниченною властью. Поприще для деятельности было чрезвычайно велико, и Герцог Рагузский занялся новым управлением своим с самым искренним желанием добра. Он показал при этом необыкновенные административные способности, редкое прямодушие, безкорыстие, и твердость, необходимую для устройства областей, приведенных событиями в большое разстройство. Признательность народа была для него лучшею наградою, и она выражалась не только во время его власти, но и во времена не столько счастливые для Герцога. Управление Иллирийскими областями можно почесть последнюю счастливою эпохою о жизни его, потому что в конце 1810 года Наполеон назначил Герцога Рагузского главнокомандующим Португальской армии, то есть бросил его в омут бедственной войны на Полуостров, где без славы гибли люди и дарования, где каждый Французский солдат делался невольным притеснителем народа, и потом жертвою безразсудного честолюбия своего повелителя. Но Герцог Рагузский должен был исполнять волю государя и благодетеля; он с обыкновенною своею ревностью принялся за трудное дело. Первые шаги его даже ознаменовались успехами, вверенная ему войска, только что вышедшая из Португалии, были в совершенном разстройстве, и прежде всего он занялся преобразованием их. Но узнавши об опасности, какой подвергался Бадахос, осажденный Англичанами, он тотчас поспешил соединить свой корпус с войсками Сульта, старшаго по службе, и следовательно подчинил себя ему. Таково было всегдашнее самоотвержение Герцога Рагузского: он забывал все расчеты самолюбия и честолюбия, когда шло дело о пользе службы, а в настоящем случае подвергался и большой ответственности, потому что Наполеон приказал ему прежде всего заняться переформированием его корпуса. Но успех оправдал преданность его общей пользе: соединение обоих маршалов освободило Бадахос. За тем, пятнадцать месяцев защищал он и прикрывал западную границу, между Дуэро и Гвадианой. Часть Французских войск была отозвана из Испании к большей армии для похода в Россию, и Англичане открыли наступательныя действия. Мармон отступил за Дуэро и ждал там обещанных подкреплений. Плохия распоряжения главнокомандовавшего в Испании, короля Иосифа, были причиной, что он принужден был вступить в сражение близ Саламанки, при двух холмах, называемых Арамилами, не сождавши подкреплений. При самом начале сражения, картечь раздробила ему правую руку и нанесла две глубокия раны в бок. Командование принял генерал Бонне, но также был ранен и после него третий генерал, Клозель, также ранен, был унесен с поля сражения. Несчастливая случайность эта произвела замешательство в действиях Французских войск, и не смотря на мужественное сопротивление, они отступили с большою потерею. Герцог Рагузский, почти умирающий от ран, оставил поле сражения один из последних, и не прежде поехал из армии, как обезпечивши, сколько было можно, отступление ея. В 1813 году он еще не совсем вылечился от своих ран, когда открылась кампания в Германии. Наполеон назначил его командиром наблюдательнаго корпуса на Рейне, и Герцог Рагузский, с подвязанною рукою, перешел за Рейн, участвовал в громовой Люценской битве, где у него было изстреляно платье, и потом в сражениях под Бауценом, под Вуршеном, под Дрезденом, в Дипподисвальди, в Фалкенгейме, и проч. Под Лейпцигом, 16 Октября (н. ст.), корпус его составлял левое крыло армии и должен был отражать нападения всей Силезской армии; бились почти весь день, на полу-ружейном выстреле. 18-го числа Мармон защищал деревню Шенфельд, которая семь раз переходила из рук в руки; восемь генералов 6-го корпуса были убиты и ранены в этот день; сам Маршал был ранен ружейным выстрелом, получил контузию, и переменял в сражении четыре лошади, убитых или раненых под ним. 19-го числа он

защищал одно из предместий города, и только что перешел за Эльстер, как мост был взорван^[1]. — При открытии кампании 1814 года, Мармон, со своим корпусом, в котором было не больше 6000 человек пехоты и 1600 кавалеристов, затруднял движение союзной армии на Париж, от Рейна до Бара. Почти в тоже время привел он в оборонительное положение Майнц, Мес и Верден, наконец присоединился к Наполеону в Витри и участвовал в Бриенском сражении. На другой день, прикрывая отступление большой армии, он остановил неприятеля при деревне Роне счастливою атакою, под личным предводительством своим, и оказал важную услугу, оцененную Наполеоном и всею армиею. Он же присоветовал Наполеону сделать движение на Шампобер, имевшее следствием счастливые для Французской армии успехи, так что Наполеон мог бы после них заключить мир, но, снова ослепленный гордостью, продолжал отчаянную кампанию. Действуя потом вместе с Мортье, Герцог Рагузский не переставал сопротивляться, покуда Наполеон не сделал движения на Сен-Дизье, и не оставил обоих маршалов своих, с слабыми силами, против всей союзной армии. Безпрерывно сражаясь и отступая, они наконец, остановились под стенами Парижа. Нельзя было и думать спасти столицу, но должно было отдать последний долг отечеству. Бедные остатки двух корпусов, и наскоро собранные войска Парижскаго гарнизона, сопротивлялись победоносному неприятелю до пяти часов вечера, когда оба маршала решились вступить в переговоры. Не будем повторять известного каждому Русскому и описывать капитуляции Парижа, бессмертной для славы нашей Истории. Наполеон обвинял впоследствии Мармона за капитуляцию Парижа, говоря, что он должен был схоронить себя в развалинах его. Трудно решить этот вопрос, чисто нравственный, потому что Мармон должен был избрать одно из двух: или сдать столицу Франции и тем спасти ее от неминуемаго истребления, или сопротивляться в самом городе, зажечь его, предать всем ужасам боя, и заслужить проклятие соотечественников, даже без всякой пользы для своего государя. Обвинители забывают также, что Мармон не был главным начальником: он имел над собою брата Наполеонова Иосифа, который именно приказал ему вступить в переговоры с союзниками; но Мармон и Мортье исполнили это в крайней необходимости. Потом, когда союзники были уже в Париже, корпус Мармона, в отсутствие его, под начальством генерала Суама, первый перешел на сторону новой власти, и это было еще одним обвинением против маршала. Так несчастныя обстоятельства тяготели над судьбою Герцога Рагузскаго, и он, чья душа не перестает до сих пор питать благоговейной привязанности к Наполеону, которому был он обязан всем, подвергся обвинениям за свое несчастье, другие, кто спешил захватывать обломки империи Наполеоновой, подтверждали обвинения, и успели укоренить их в умах многих.

Но тем не ограничились для него испытания жизни. Когда Бурбоны заняли трон Франции, Герцог Рагузский искренно посвятил себя им, и по возвращении Наполеона с острова Эльбы удалился с Людовиком XVIII в Гент. Он знал, что политическая роль его при Наполеоне кончена, но не хотел сражаться и против него. Занимая лишь некоторые почетныя должности при Бурбонах, он возвратился с ними в Париж, и получил достоинство Пера Франции. Откровенно высказывая свое мнение о действиях министров Людовика XVIII, Мармон впал в немилость при дворе, стараго короля и удалился в свои поместья. Там искал он развлечения и отрады в занятиях науками, потому что он получил воспитание не только блестящее, но ученое, и всегда отличался любовью к просвещению, не следуя примеру большей части Наполеоновских генералов, славных воинов, но и славных невежд. В деревне он завел также несколько фабрик и большое хозяйство; но все это пошло неудачно, так что Мармон увидел себя в стесненных обстоятельствах, чему способствовала и роскошная жизнь, какую всегда вел он. Не умея наживать, не бывши никогда грабителем областей, где повелевал он так много раз, Мармон пользовался только щедростью императора, и без его помощи не мог поддерживать себя. Восшествие на престол Карла X обещало ему лучшую участь. Король удостоил его высокой почести быть представителем своим при короновании ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО НИКОЛАЯ I-го, и в 1827 году маршал Мармон был послом в России; он жил несколько месяцев в Петербурге и Москве. Москва еще помнит великолепные

празднества, какия давал оп при торжестве коронации нашего ГОСУДАРЯ. Но 1827 год был означен для Герцога Рагузскаго самыми неприятными семейственными отношениями: он был принужден формально развестись с женой. Это довершило разстройство его домашних дел, и он просил у короля какой-нибудь должности, которая доставляла бы ему содержание. Он получил начальство в армии. Это скоро приблизило его к тому несчастному событию, после которого он должен был оставить свое отечество. Карл X-й назначил его начальником войск, выставленных для подавления мятежа, вспыхнувшего в дни Июльскаго переворота в 1830 году. Мармон сделал все, что мог сделать верный слуга своего государя, но он не мог сопротивляться возстанию целаго народонаселения Парижской столицы, особенно когда и войска его переходили на сторону мятежников. Он должен был оставить Францию, вероятно навсегда. Общий голос вопил в Париже против Марона, называя его врагом отечества за то, что он исполнял волю Карла X-го. Но в самом обвинении заключалось и оправдание его, так что даже пристрастные судьбы не могли обвинить отсутствующаго изгнанника.

Герцог Рагузский и в изгнании своем сохранил тот же благородный характер, каким отличался он во все продолжительное время своей службы отечеству. Человек, менее его сильный духом, мог бы пасть под тяжестью судьбы, которая обременила всеми возможными несчастиями последнюю половину его жизни; но благородный маршал вынес из всех испытаний чистую, безукоризненную славу, которой не могли помрачить никакия бедствия, и нашел в самом себе утешение от преследующей его судьбы. Образованный, обширный ум его, богатый воспоминаниями великими и опытностью редкою, искал себе пищи в занятиях новых, и следствием любознательности его было путешествие, описанное им с таким глубоким чувством. Не предупреждаем никакими похвалами суждения наших читателей; но они сами увидят, что едва ли кто другой из Французских писателей нашего времени мог бы с такою скромностью, с такою благородною откровенностью, с таким прямотушием излагать свои наблюдения и замечания. В нем видите вы философа, который выше всех отношений; единственная цель его — изыскание истины. Он сам объясняет в своем предисловии.

ПУТЕШЕСТВИЕ МАРШАЛА МАРМОНА, ГЕРЦОГА РАГУЗСКАГО.

ВВЕДЕНИЕ.

Прошло четыре года, как политическая тревога внезапно лишила меня отечества. Я не разорвал связей с ним, но стал чужд ему. Усладительное гостеприимство покоило меня в Вене, и дни мои текли мирно и однообразно, когда я, вспоминая о прежних своих трудах, и чувствуя что во мне еще есть силы, решился предать новую занимательность своей жизни, прибавить что-нибудь к своим сведениям, и удовлетворить любопытство, какое возбуждало во мне движение общества человеческого: в нем каждый день перемены, и оно, кажется, идет к новой судьбе. Суждение издали так неверно, рассказы так обезображивают события, что кто хочет узнать истину, тот должен искать ее сам, изучать на месте, и как можно больше освободить себя от всех предубеждений и предразсудков, врагов нашего суждения. Я слишком часто видал ошибки других, и после этого мог остерегаться своих собственных. В духе осторожности наблюдал я, и собрал сведения котороря издаю теперь.

Я полагал также, что могу увеличить занимательность своего путешествия наблюдениями, котороря способствовали бы решению разных физических вопросов. Для этого я запасся инструментами, тщательно сделанными под присмотром и указанием г-на профессора

Баумгартнера, так что я мог определять состояние атмосферы в отношении гигрометрическом и в отношении к электричеству, мог исследовать температуру атмосферы и водных источников разных мест, наконец узнать, употребляя методу барометрическую, высоту разных гор, о которых тогда еще разноречили. В план мой входили и разные магнетические наблюдения. В спутники путешествия взял я г-на доктора Зенга, отличного Венского медика: он должен был помогать мне в наблюдениях. Граф Брацца, любитель живописец с великим дарованием, присоединился ко мне; он хотел снимать виды самых любопытных и замечательных мест на моем путешествии. С такими милыми сотрудниками отправился я в дорогу.

Собственным предметом моего путешествия было: посетить сначала Южную Россию, потом Константинополь, Сирию, Палестину и Египет. В Одессу я мог ехать или чрез Галлицию или чрез Венгрию и Трансильванию; но две последние из этих стран сильнее увлекали мое любопытство; в них много будущности, в них элементы неизмеримых богатств, они предназначены сделаться главным основанием могущества Австрийского Дома. Я избрал путь через них. Быстрое путешествие не помешало мне увидеть довольно много замечательного, и собрать любопытные сведения. Представляю их здесь, и даю в них отчет.

Совсем не предвидел я, какой прием ожидал меня в Южной России. Я помнил прежнюю благосклонность Российского Императора ко мне и мог надеяться, что меня примут хорошо и облегчат средства для моих изысканий. Я путешествовал скромно, прилично моему нынешнему положению, с небольшою свитою, в немногих экипажах. На границе я узнал, что Император повелел всюду отдавать мне почести. Г. Шостак, чиновник Одесского управления, отличный молодой человек, ждал меня уже осмнадцать дней, с письмом Графа Воронцова, Генерал-Губернатора Южной России. Г-ну Шостаку было поручено провожать меня до Одессы, и по всей дороге назначено по 40 почтовых лошадей для моего проезда. Ко мне явилось городское начальство, и я не медля продолжал свой путь. Ночлег был в Lipkaut, в прелестном замке, недавно выстроенном и принадлежащем Графине Ильинской (Pliska): там были приготовлены для меня комнаты. На другой день, 18-го Мая, рано по утру, я выехал и ночевал в Калараше.

Известно как быстро ездят в России; но тут езда была еще скорее обыкновенной, и я употреблял не больше двух минут с половиной на версту. Бесарабия, которую мы проезжали представляет зрелище довольно однообразное: в ней нет лесов; за то ее украшают великолепные пастбища, покрытые прелестною зеленью. Эта страна возвышенная плоскость, волнообразная, изрезанная множеством оврагов. Вообще она безводна, и, только делая загоры в ручьях оврагов, собирают и берегут воду. Там, в глубине, помещается народонаселение и выстроены деревни. Они скрыты от глаз путешественника, и можно проехать огромное пространство, воображая себя в необитаемой земле.

Пастбища хороши на все лето, если год благоприятен, и только в конце Августа они высыхают, в годы слишком жаркие. Следственно в этой стране есть всякия природныя выгоды. При слабом народонаселении она уже близка к богатству: что же будет, если население сделается значительнее? Здесь пасутся чрезвычайно огромная стада быков, и с большою выгодною могли бы питаться миллионы овец. Сказывают, что когда на этих пастбищах косят траву, многия дают по тысяче вязанок сена, в десять фунтов каждая, с десятины; а десятина равна двум тысячам четырем стам квадратных туазов. Положим, что этот сбор преувеличен, но такие урожаи все еще представляют огромныя средства.

Чтобы уничтожить однообразие этой страны, украсить ее и увеличить ее богатства, надобно бы насадить деревья по вершинам холмов. Где уже насажены, они растут хорошо, служат украшением, дают воду и обилие. От Калараша до Днистра вид страны переменается. Тут едете по усеяной дерсвьями долине, обработанной и веселой, которая совершенно напоминает

прекрасную Австрию. В Кишеневе, губернском городе, на почте встретили меня губернатор и дивизионный штаб; но я, не смотря на их убеждения, не остановился.

Через Днестр переправился в Бендерах. Это место напомнило житье и поступки Карла XII-го. Король наездник, он, в первые годы моей юности, был героем моего соображения. Рассказ об его делах до такой степени разгорячил мой ум, что стали бояться, чтобы это не разстроило моих умственных способностей. Крепость, встарину Турецкая, находится на правом берегу; она с укреплениями, и во время проезда моего занимались ею поправкой. В нынешних обстоятельствах, слишком предположительна роль, какую может играть она. Впрочем, не худо сохранить такую маленькую крепость, как Бендеры: она оберегает магазины и может служить опорой и убежищем для разсѣянных войск, в случае какого-нибудь замешательства в этой стране, обширной и недавно приобретенной. Не надобно пренебрегать никакими соображениями благоразумной предусмотрительности, сколько бы ни казались они отдаленны.

На левом берегу Днестра, в двух тысячах туазах от реки, есть другая крепость, старинная Русская, когда Прут был (?) границею Империи. Она без укреплений и без воды во рвах. Как бесполезную, ее мог бы уничтожить, и ничего не потеряли бы.

По другую сторону Днепра начинаются пески, и почва здесь чрезвычайно плодоносна после дождей; но засуха делает ее иногда совершенно бесплодною и похожею на пустыню. Солнце уже спалило степи, которыми я проезжал, и это заставляло опасаться повторения неурожая двух предшествовавших годов.

Вечером, 19-го Мая, приехал я в Одессу. Там нашел я Графа М. С. Воронцова, генерала от инфантерии и Генерала-Губернатора Южной России. Прежде, я много раз видался с ним в Париж и потом в Вене; но еще не зная его лично, привык я уважать его на войне. Это один из тех людей, к которым чувствовал я всегда особенное влечение. Возвышенный, прямой характер его внушает уважение и доверенность; обхождение его, свободное, вежливое, благородное, предупреждает в его пользу. Он соединяет с обширным умом огромные сведения, любит страстно свое отечество, и делает самое благородное употребление из своего безчисленного богатства. Безпрерывно занимаясь улучшениями, подавая пример во всем полезном, он благодетель областей, вверенных его управлению, образец успешнаго вельможи и великаго гражданина. За то он и пользуется любовью и уважением всех.

В Одессе нашел я также генерала от кавалерии Графа Витта, военного начальника и инспектора всей поселенной кавалерии. Его ум, просвещенный, основательный и обширный, его превосходная разсудительность и непостижимая деятельность создали военные поселения. Он оказал этим великую услугу Русскому государству, потому что это удивительное учреждение представляет чрезвычайныя выгоды и Государю и народу. Я сблизился с Графом Виттом во время посольства моего в Россию в 1826 году, и встретить его мне было тем приятнее, что мы тут были на месте самых его успехов, и я готовился увидеть и поверить их лично. Вскоре я подробно опишу свое путешествие с ним по военным поселениям.

Одесса главный город управления Южной России и местопребывание главнаго начальника, Управление Южной России составляют три губернии, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, и Бессарабия. Генерал-Губернатор исполняет некоторыя высшия обязанности, непосредственно ему принадлежащая; но вообще он имеет только высший надзор над управлением отдельных губернаторов и поверяет их действия. Они дают ему отчет, но в тоже время относятся в Министерство Внутренних дел, в Петербург, и оттуда получают предписания.

Граф Воронцов представил мне чиновников, и показал все, что есть любопытного в Одессе, и вообще все заведения этого города, которые распространяются с каждым днем.

Недавно построен великолепный карантин: управление его столько же благоразумно, как и расчетливо в расходах, и в нем приняты все возможные меры для предохранения России от опустошительного бича, который постоянно свирепствует на Востоке. Люди и товары отдалены совершенно одни от других, и разные распоряжения уменьшают взыскательность и замешательство, столь тягостным для торговли и путешественников в других местах. Управление Графа Воронцова простирается на большое пространство по берегам, и он особенно занимался соглашением выгод общественного здоровья с потребностями и деятельностью торговли. Я распространюсь об этом, когда буду описывать свое путешествие по Крыму.

Город Одесса представляет удивительное следствие свободной торговли. За сорок лет была пустыня на том месте, где он выстроен. Порт объявили свободным, и капиталы нахлынули, земледелие развилось в соседних областях, производительность и мена ободрились: воздвигся город. Наблюдали обширный и правильный план, и этот город, разцветший на прочном основании благоприятных природных условий, под покровительством благоразумного законодательства, представляет зрелище благоденствия. Везде строят каменные и деревянные здания, но от того, что многие дома в один этаж и улицы чрезвычайно широки, в городе еще мало жизни и движения. Его можно сравнить, я думаю, с Петербургом в младенчестве, и вероятно даже, что через сорок лет Петербург не представлял такого богатого результата, как Одесса.

Красота некоторых зданий замечательна: кроме театра, госпиталя и других общественных заведений, есть частные дома настоящие дворцы, где соединен самый изящный вкус с величайшею пышностью. В этом числе, и конечно первые, дома Графа Воронцова и Г. Нарышкина. Вид города, с моря, превосходен. Очень хороший публичный сад и деревья, насаженные почти во всех улицах, придают Одессе во всякое время нарядную, праздничную наружность.

Посреди публичного сада воздвигнута статуя герцогу Ришелье. Это дань справедливой признательности, потому что это имя соединено почетно и неразлучно с основанием и первыми годами самого города. Через пятьдесят лет, Одесса будет такой же богатый и населенный город как Марссьль, и благосостояние Крыма сделается одним из начал этого последствия. Покуда я оставался в Одессе, ни одно утро не проходило, чтобы я не насытил чем-нибудь своего любопытства, а по вечерам я участвовал в праздниках, которые мне давали. Никогда, в самое блестящее мое время. я не видал такой вежливости и такой заботливости о себе.

Граф Витт начальствует не одними военными поселениями: под его команду все войска, расположенные в этой части Русской империи.

Кстати я расскажу здесь о новом образовании Русской армии. При нем исчезли многие несовершенства, которые ослабляли ее силу, и замедляли, делали неверными пособия рекрутских наборов.

Неизмеримая обширность империи была причиной, что рекрутские наборы всегда требовали много времени. Далекие переходы, которые при самом начале службы должны были делать рекруты отдаленных провинций, необходимо сопровождалась большою потерей в людях. Нынешний Император чувствовал это, и вот как отвратил он эти неудобства.

Все пространство империи разделено на две части: к одной принадлежат отдаленные провинции, мало населенные и не участвующие в наборах для действующей армии; они снабжают людьми отдельные корпуса, на ближайших границах. Другая часть, составленная из центра империи, из областей больше населенных, одна дает рекрут, необходимых для армии^[2]. Таким образом около сорока миллионов человек доставляют рекрут в армию, и границы пространства, на котором производится рекрутский набор, не слишком удалены одна от другой.

(После этого и несколько далее автор описывает состав армии и разделение корпусов и полков; но известия его не во всем верны, и сверх того уже не соответствуют новым переменам и улучшениям в состав наших войск; пропускаем эти подробности, и переводим только вывод, сделанный г-м маршалом).

Следствием этого нового образования было:

1-е, что рекрутский набор производится быстрее нежели прежде, потому что отдаленные провинции не участвуют в нем;

2-е, что потеря в людях, посылаемых из провинции, теперь ничтожна, между тем как прежде она была огромна:

3-е, что все средства для рекрутского набора предвидены и приготовлены.

Но армия Русская должна быть в полном составе всегда, и даже во время мира, чтобы с пользою и кстати способствовать потребностям политики. Необходимость этого понятна, если сообразим удаление России от центра Европы, время, которое надобно употребить для сбора рекрут, хотя и уменьшенное теперь, однако еще значительное, и неудобства климата для обучения их. Таким образом Россия, по своему могуществу играя важную политическую роль, принуждена содержать во время мира армию, гораздо многочисленнейшую нежели другие Европейские государства, где народонаселения, сближенные на пространстве не обширном, могут быстрее поставить свои армии на военную ногу.

При первом взгляде можно ужаснуться, какие огромные расходы должна употреблять Россия на обыкновенное, всегдашнее содержание такого состава войск. Но в мире почти все вознаграждает себя: если доходы России, соразмерно ее народонаселению, не таковы как доходы других больших Европейских государств, между тем как ее армия должна быть в мирное время сильнее всех других, эта держава однако может удовлетворить все, потому что содержание войск обходится ей дешевле, и одинакая сумма денег выражает средства больше огромные своим употреблением. К этому замечанию надобно прибавить, что вся туча Казаков, столь важная и полезная для Русской армии, не требует почти никакого содержания в мирное время.

« Любопытно сравнить, во что обходится разным Европейским державам содержание солдата в мирное время. Из этого можно извлечь выводы политической экономии, и указания на лучшую или худшую администрацию.

	франк
Во Франции, пехотный солдат стоит	340
В Австрии	212
В Пруссии	240

В России	120
В Англии	538 ^[3]

« Соображая цену всех вещей в Англии, изобильную пищу Английского солдата и его необыкновенное благосостояние, нельзя не удивляться такому выводу. Он объясняется тем, что все, необходимое для вещественной жизни, в Англии почти также дешево как на твердой земле, что одни предметы роскоши там дороги, а они совершенно чужды войскам. Разность в цене содержания солдата в Англии и во Франции употребляется вся на пищу его и личные удовольствия. Дай Бог, чтобы когда-нибудь Французский солдат был предметом такой же заботливости, и чтобы в его состоянии сделали улучшение, столь справедливое и заслуженное!

Покуда Граф Воронцов приготавливал в Одессе все для путешествия, которое мы должны были совершить с ним по Крыму, я отправился осмотреть военные поселения кавалерии: по высокой благосклонности Своей, ИМПЕРАТОР повелел показать мне их, Мая 26-го я отправился с Графом Виттом на берега Буга.

Но прежде нежели отдам я отчет в этом путешествии, не худо представить общее понятие о военных поселениях, и показать основания, на которых они были учреждены.

Обращаюсь к моему путешествию.

От Одессы до Буга проезжал я по стране бедной и как бы опустошенной. Несколько деревень, почти в развалинах от неурожая 1832 и 1833 годов, малое народонаселение, без скотоводства, с небольшим количеством обработанной земли, где сбор хлеба не велик, по тому что все сожжено солнцем, вот что было перед моими глазами в это время.

Я встретил однако, в небольшой долине, одну деревню в лучшем состоянии, украшенную довольно большим числом насажденных деревьев. Она называется Павловскою, и принадлежит старому, осьмидесяти-двух летнему, генералу Хорису, который долго был начальником штаба при Суворове. Я остановился у него завтракать, и разговор с ним был для меня чрезвычайно занимателен. Я не переставал говорить о Суворове, а он любил потолковать о нем, и рассказывал мне множество подробностей об этом необыкновенном человеке. Все его слова были запечатлены признаками неоспоримой истины. Выходит, что мы знаем Суворова только сквозь тысячу предрассудков; что, по уму и сведениям, это был человек высшаго разряда; что все, разительное своею странностию и особенностию, было с его стороны следствием расчета и хитрости. В самом деле, если б он был таков, каким почитают его в Европе, мог ли бы он присоединить свое имя к таким огромным делам и приобрести такие великие успехи?

Суворов получил воспитание тщательное; говорил и писал на семи языках правильно. Он имел глубокия сведения в истории, читал и учился много. Когда он обедал поутру, и приходившим сказывали, что он спит, это значило, что он заперся и работает.

В первую половину своего поприща, до лет довольно старых, он в обхождении своем был таков же как и все. Но Екатерина II сказала однажды при нем, что первое условие для успехов при Дворе, обратить на себя внимание чем-нибудь резким, отличиться от толпы особенным обращением, и он начал притворяться чудаком; а это давало ему право делать и говорить все. В то время множество самолюбивых воинов, людей полуобразованных, занимало высшия места, и толпилось на пути к счастью, без успеха в своих предприятиях. Суворов решился сделать их смешными и показывать презрение к науке. Он действовал не совсем искренно, потому что для себя не упускал ни одного случая научиться; но он хотел прослыть человеком

со способностями и вместе невеждою; почитал за лучшее, в глазах других, приписывать свои успехи внезапному вдохновению, а не расчетами и следствиями своих изысканий, своего труда. Такой образ действия был, как видно, в то время, сильнее всякого другого для одушевления Русских солдат.

Суворов поставил себя на такую ногу, что не прекращал своих странностей и перед ИМПЕРАТРИЦЕЙ, также как и перед всеми другими. Когда она хотела говорить с ним о делах, он отвечал прежде всего шутловством; но когда Государыня сказывала ему, что довольно шутить, он вникал в предмет и говорил, не позволяя себе никакого уклонения, столько же умно, сколько разсудительно. Его шутловство, всего чаще, имело целью посмеяться над придворными, которых он ненавидел, и досадить им.

В этом отношении осталось о нем множество анекдотов, презабавных, но где, под оболочкою странности, видны ум светлый и язвительное намерение. Все уже знали его, и каждый покорялся необходимости, потому что Императрица сама, оценивая заслуги такого человека как Суворов, подавала в том пример. Только перед одним человеком не позволял он себе, никогда, ничего странного или неприличного, и всегда обходился с ним почтительно: это Фельдмаршал Румянцов, первый Русский генерал, который умел побеждать Турок, постоянно и с армиями небольшими. Суворов изъявлял к нему величайшее уважение, глубокую почтительность, и ни один поступок его не даст повода сомневаться, чтобы он не был в этом искренен.

Военный взгляд Суворова достоин удивления: перед неприятелем он превосходно постигал время, каким мог располагать, и никогда не ошибался в своих расчетах. На Рымнке Верховный Визирь угрожал ему осмидесятитысячною армиею, а он мог противопоставить ему только осмнадцать тысяч, и надеялся на помощь Австрийской армии, под начальством принца Кобургскаго, котораго ждали с нетерпением. Движения Верховнаго Визиря показывали, что он незамедлит напасть; но приготовления к этому могли продолжиться еще несколько часов. Суворов, чтобы показать, как мало заботится он о нем, идет в баню. Ему сказывают, что показалась голова Австрийской колонны; он вышел из бани, бросился на лошадь, двинулся против неприятеля, прежде нежели тот совершенно выстроился, разбил его и обратил в бегство.

В Кинбурне с ним была горсть солдат; несколько рот, расположенных довольно далеко, еще не приходили, когда Турки начали делать высадку. Надобно было провесть как нибудь остаток времени, необходимаго для сбора его войска: он идет в церковь и велит служить молебен. Между тем пришли ожидаемые роты; он выходит из церкви, бросается на неприятелей, и все высаженные на берег были положены на месте: взят в плен один человек, и Суворов послал его к Потемкину, бывшему при осаде Очакова, довести о подробностях своей победы.

Суворов лучше всякого другаго генерала знал дух солдата и нравственную часть войны. В этой возвышенной части, в этом отличительном и главном свойств великих полководцев, известных истории, был и Наполеон выше других. Суворов имел сверх того качество безценное, к несчастию слишком редкое у военачальников; он не знал усталости, не знал никаких нужд, делил с солдатами труды, дополнял в затруднительных случаях все своим примером, так сказать, сливался с ними. Вот лучшее и самое сильное красноречие военное, которое увлекает все. Оно часто было красноречием Александра и Цезаря.

В 1796 и 1797 годах, Суворова сильно занимали Итальянские походы, бывшие дебютом генерала Бонапарте и началом его славы и могущества. Суворов удивлялся его движениям и этому ряду действий, так умно соображенных, так смело выполненных, что они могут служить образцом для военных людей, мыслящих о своем деле и желающих изучить его, понять большую войну. Он сказал генералу Хорису: «Надобно скорее послать меня против

Бонапарте; не то, он наконец перейдет через Немцев и доберется до нас.» Изумительное предвидение! Оно сбылось, слишком сбылось, для гибели Наполеона.

Я приехал на Буг, и с высоты, господствующей правым берегом этой реки, глядя на противулежащую сторону и на деревню Вознесенскую, наслаждался приятным чувством. Глаза мои облегчились и ожили при виде прекрасных насажденных деревьев, обработанных полей, стад, и красивых домиков, одинаково выстроенных по правильному плану. Мне казалось что я подле земного рая; а я был при входе в военные поселения. Вознесенск главное место уланского полка этого имени и вместе первого кавалерийского корпуса, которым командует генерал Сакен, племянник Фельдмаршала.

Генерал-лейтенанты Шабельский и Захаров, и генерал-майор Реут, был также в этом месте. Генерал Сакен человек еще молодой, однако сделал все последние походы. Он был в сражении под Парижем, и напомнил мне обстоятельства, когда мы находились на небольшом расстоянии, в виду друг у друга. Я не могу выразить, как обязательно приняли меня, как заботились обо мне генерал Сакен и все офицеры, все генералы. Та же заботливость, тоже внимание, те же знаки уважения возобновлялись во все восемь дней, которые провел я в военных поселениях, и нет ни одного места, где бы не окружали меня ими. Говорю это в один раз, чтобы избегнуть повторения, которое было бы сладостно для моей признательности.

С неизменным удовольствием начинал я видеть, как осуществлялось все, что рассказывали мне о военных поселениях. Вознесенский полк находился тогда в Молдавии, следовательно я мог посетить только заведения его: там во всем полнота, порядок, совершенно цветущее состояние. Школы и кантонисты восхитили меня, как и госпиталь. Хороший быт крестьян ощутителен: дома опрятные, красивые; скот превосходный; все показывает благосостояние истинное. Я видел в конском заводе всех кобылиц и жеребят. Лошади двух годов чрезвычайно росли, и также огромны как в Венгерских заводах трехгодовалые; а их кормят не зерном; но трава здешних полей удивительно сочна, и гораздо питательнее корму в других странах. Вместо Вознесенского полка который был и походе, сюда прислали два эскадрона Бугского полка; они временно останавливались здесь на службе. Я смотрел их: они отлично хорошо знают и эскадронное ученье и одиночное. Я не видал войска, больше блестящего и более быстрого в движениях.

Рано утром отправился я в Константиновку, и видел там резервный эскадрон Вознесенского полка. Тогда резервные эскадроны составлялись только из молодых солдат: после это переменили. Эскадрон, весь сформированный из здешних уроженцев, может статья, не был столько обучен как другие; но люди ездили превосходно, и если бы распределить их и другие эскадроны, никто не заметил бы разницы между ними и старыми солдатами. Оттуда мы приехали в Благодатное (Blagodatnava), где три эскадрона Одесского полка занимали квартиры временно, от того что встретилось, затруднение в продовольствии. Эти эскадроны решительно не оставляли ничего желать: можно было только удивляться им во всех отношениях.

Потом я видел в Лизогоре (Лысой горе), два эскадрона гусаров, которые квартировали поблизости и еще не поселены; откуда приехал ночевать в Ольшанку. На другой день утром видел я резервный эскадрон Ольвиопольского полка, и сделаю о нем такое же замечание, как о резервном эскадроне Вознесенского полка. Ольвиопольский уланский полк был в Молдавии. Я видел сохи, принадлежащие землям этого эскадрона: для каждой есть три пары волов, и еще одна в запасе. Ничего не может быть красивее их упряжи, и ни что, яснее не показывает довольства, как вид самих пахарей. Эти люди, вообще высокие и сильные, в превосходном платье, в хороших сапогах, представляют тип благосостояния и здоровья. Они служили прекрасным образчиком военной части здешнего народонаселения. Из трех сот тягол

эскадрона, только сто восемьдесят несут общественные тягости; остальные сто двадцать свободны, потому что не причислены к составу поселения.

Мы весь день ехали видя огромные полковые стада: на это время приказано было держать их около дороги. Я нашел, что все они в лучшем состоянии, и этим обязаны запасам, какие хранятся в магазинах. Не так было в соседних губерниях; там долго еще будет отзываться бедственная засуха, поразившая их. Я остановился в Добрянке, где учрежден полковой конский завод^[4]. Строения обширные, удобные, но без всякой роскоши. Здесь все сделано для пользы, и ничего для глаз. Таков собственно характер военных поселений. Ничем не пожертвовано обольщению, эффекту все устроено для пользы, в духе, благоразумной экономии, и с большою разсудительностью. Здешний завод дает превосходных лошадей, породных, кровных и рослых.

В Добрянском заводе находилось сто восемьдесят приплодных кобыл, и предположено было увеличить это число до двух сот пятидесяти. Усиленный до такой степени, завод будет обеспечивать ремонт для всего полка. Тоже сделано во всех полках, и с 1837 года ремонты их не будут стоить ни одной копейки казне, а между тем превзойдут все другие кавалерийские ремонты в Европе, Русские и иностранные.

Я остановился в Ново-Архангельске, посмотреть четыре эскадрона уланского полка его имени. Могу повторить тоже, что сказано о других полках. Не может быть лучшей кавалерии: она доведена до совершенства. Ново-Архангельск граница военных поселений со стороны Украины. Проезжая через реку, оставляете земли их. Насупротив лежит деревня Тарговиц, достопамятная тем, что в ней был подписан в 1795 году акт Польской конфедерации. Эта деревня принадлежала графу Потоцкому, который играл большую роль, во время Польской революции, и сделался предметом ненависти своих земляков, за то, что постоянно был привержен к России. Теперь Тарговиц принадлежит прелестной графине Киселевой (comtesse Kisseloff), одной из его дочерей. И как я находился уже с Украине, то поехал в Умань, главное место значительных поместьев, какими обладала здесь фамилия Потоцких.

Страна делается лучше с каждым шагом вперед. Видно, что она обрабатывается давно и чрезвычайно населена. Всем известно богатство Украины: это страна самая урожайная в мире. Осадочные земли, черные и глубокие, отличаются необыкновенным плодородием; но они образуют возвышенную плоскость и вообще безводны, так, что первое условие хорошаго урожая — дождливая весна; если в это время нет дождей, все погибло,

Эта возвышенная плоскость пересекается множеством тесных долин, которые не что иное как овраги. В них струятся кой-где ручьи, и небольшие плотины или загоры образуют пруды, где вода служит для мельниц или для летних потребностей. За недостатком ручьев, делают также водохранилища для дождевой воды. Эта страна украшена множеством насаждений: свежие, прекрасные рощицы прерывают однообразие долин; она волнообразна и представляет глазам приятные, разнovidные ландшафты. Впрочем, здесь отличительный характер природы чрезвычайно богатство.

Вечером, приехал я в Умань, городок, где тысяч семь или восемь, душ. Замок, в котором я остановился, ничтожен и несообразен ни с богатством прежнего владельца, ни с великолепными садами, разведенными версты за две и стоившими больших издержек. Я скоро буду говорить об этом. Граф Потоцкий, отец, хотел прибавить к садам и великолепный замок; но постройки остались в проекте: окончены были только сад и принадлежности к нему.

Мая 29 видел я великолепный полк Павлоградский гусарский. В продолжение часу он маневрировал передо мною с величайшею ловкостью и удивительной точностью. Этот полк

со славой участвовал в войне, и получил, в знак отличия и в награду, георгиевский крест на штандарты. Он также назначен в поселение. Тогда принадлежал он к бригаде генерал-майора Бринкена и к дивизии генерал-лейтенанта Захарова.

Я поехал осмотреть знаменитый сад графа Потоцкого, названный Софиевкою, по имени жены его, и воспетый аббатом Делилем. Природа сделала в этом месте, немногое; все — создание человека, который истощается в усилиях, когда хочет подражать ей.

Посреди богатых, волнообразных долин Украйины, в двух верстах от Умани, почва вдруг идет углублением, что очень обыкновенно в этой стороне, и образует долину, где льются обильные ручьи. Большие обломки скал и неправильного гранита (*granit erratique*), лежат на поверхности земли, раскиданные в разных местах. Здесь-то граф Потоцкий вздумал сделать центр своего саду и дополнить трудом все, чего не доставало.

Все воды в окружности, которая выше здешних, соединили и провели каналом в верхнее озеро: это стоило страшных сумм. Огромные скалы перевезены и поставлены почти так же как сделало бы это землетрясение; обильные воды рвутся через них и представляют прекрасный водопад, который был бы однако ж ничтожною случайностью природы в Швейцарии; но здесь это подвиг изумительный, когда подумаете, что он был следствием прихоти частного человека. Гроты, как, будто случайно созданные, образуют галереи, по которым есть сообщение между углублением долины и самою верхнею плоскостью. В летние жары это прохладные залы. Подземным каналом проведена вода, которая льется из ребра горы целою рекою, и Вы подумаете, что искусство только привело в порядок и украсило произведение природы, но в самом деле тут все сделало искусство. Озеро, занимающее почти всю долину, украшенную храмами и дорогими постройками; превосходные насаждения на холму и близлежащих частях, все это вместе составляет удивительное целое, озаменованное вкусом, и конечно одно из лучших созданий человека.

По при таких огромных усилиях, цель не довольно достигнута. Софийский сад слишком мал по своему великолепию; он бы должен служить святилищем чему-то большому, быть окружен неизмеримыми рощами, а сам составлял только средоточие целой страны, посвященное удовольствиям и великолепию. Если бы это окружили парком, раскинутым тысячи на три или на четыре десятин, и на возвышении выстроили предположенный замок, тогда не было ничего равного, ни красотой, ни вкусом, в целой Европе. Выстроены только прекрасные оранжереи, которые должны были примыкать к замку. Говорят, что этот сад стоил графу Потоцкому больше пяти миллионов Франков.

Полковник и офицеры Павлоградскаго полка, виденнаго мной поутру, давали мне там обед, и оказали такую вежливость и искренность, что я был сердечно тронут. Полковые солдаты пели, как это обыкновенно водится в Русской армии во время переходов. Обычай прекрасный: это средство развлечь солдата и действовать на его нравственность и здоровье. Сила музыки гораздо могущественнее, нежели как воображают себе; надобно только употреблять ее с разбором. Русские песни исполнены мелодии и прославляют всегда народные предметы.

Мая 30 отправился я в Елисаветград. Этот город лежит на другой оконечности военных поселений, в ста восьмидесяти верстах от Умани. Мы быстро переехали разделяющее пространство, и вечером, довольно рано, были уже в Елисаветграде. Граф Витт велел собрать там бригаду уланов и бригаду кирасиров. Первую составляли полки Ново-Миргородский и графа Витта: вторую полки Великой Княгини Елены Павловны и Стародубовский (*Raradonbeff*, как называет его автор). Каждый был в состоянии осьми эскадронов, по пятнадцати рядов в построении; следовательно всего было, в тридцати двух эскадронах, около пяти тысяч человек, и сверх того шестнадцать орудий конной артиллерии. Тридцать первого числа утром я осмотрел эту превосходную кавалерию и видел маневры ея: она была

построена в движении и выполняла все возможные движения с необычайной точностью и правильностью. Два предмета поразили меня и оба я одобряю вполне: первый, что при конце атак не требуют от войск ни какой регулярности, и второй, что кирасиры вооружены пиками. В этих нововведениях видно знание сердца человеческого и духа войны. В самом деле, ничего не может быть безразсуднее, как предписывать чрезвычайную регулярность в таком движении, которое не может быть никогда слишком быстро и слишком стремительно. Цель атаки — опрокинуть неприятеля; чтобы достигнуть до этого, надобно нестись к нему как можно быстрее: очень важно уменьшить действие его огня, внушить ему живейший страх, и наконец ободрить дух своих солдат и разгорячить их лошадей. Все это несогласимо с правильным, строем и сжатыми рядами. Таким образом, в атаке, сообразной с ее назначением, всегда выйдет небольшой беспорядок: это неудобство, которое надобно стараться уменьшать; но лучшее средство против него: приучить войска быстро перестраиваться после атаки. Если так должно быть на войне, так надобно действовать и на маневрах. Иначе, когда беспорядок явится перед неприятелем, солдаты почтут все погибшим. Если, напротив, этот беспорядок предвиден и они приучены к нему, они будут знать наперед, что в нем нет ничего худого, и, привыкши быстро перестраиваться, исполнят, это сами собою, так что офицерам не нужно тут даже вмешиваться.

Я также всегда советовал дать кирасирам пики, но тщетно старался, чтобы это приняли во Французской армии. Некоторые подробности подтвердят мои слова, что напрасно почитают пику оружием легкой кавалерии: напротив, она, по самому свойству своему, оружие кавалерии линейной, тяжелой, и именно кирасиров. Но у людей во всем господствует привычка.

Часто случается, что в государствах самых просвещенных принимают новые обычаи, на веру и только с примера других; о применении их не разсуждают и не хотят сообразить обстоятельств побочных. Не принимая на себя труда изыскать начало обычая, идут от ложной точки, и следствия бывают, естественно, ложныя. Ошибочное употребление пики, при вооружении конных войск, служит одним из величайших доказательств моего мнения.

Заметили, что небольшие воинственные народы, жители долин, где лошадей множество, бывают вооружены пиками: в пример приведем Казаков и Бедуинов. Эти народы были непросвещенные, не знали ни какой правильности в битвах, и потому их почитали, да и надобно почитать, легкими войсками. Они, с детства привычные владеть пикой, умели пользоваться ею превосходно. Тут то сказали: «Вот оружие легкой кавалерии.» А это — нелепость!

Обитатель земли варварской, куда не проникала ни какая промышленность, где нет ни заводов, ни магазинов оружейных, ни денег для покупки оружия от иноземцев, обитатель такой земли садится на лошадь и хочет вооружить себя. Он отрубает длинную жердь, заостряет ее с конца, обжигает его для крепости, и вот у него пика. Потом он достает себе гвоздь и вколачивает его в оконечность своей жерди: оружие становится больше опасным. Наконец, таже жердь обделана железом, правильно выкованным для ней, и вот пика, принятая в войсках. Ясно, что Казаки и Бедуины вооружились ею не по выбору, а по необходимости; они сделались страшными с нею от своей ловкости и опытности, а из этого ошибочно заключили, что легкия войска, учрежденные единственно в образованных государствах, должны быть вооружены также пиками.

Пика есть оружие кавалерии линейной, и особенно той, которая назначается против пехоты. Линия кавалерии пускается в атаку против пехотного каре. Одушевленная храбростью, она, не взирая на огонь, устремленный против нея, достигает до пехоты; но если пехота остается безстрашною, непоколебимою, что выйдет из этого? Штыки удерживают лошадь в таком разстоянии от пехотинца, что кавалерист не может рубить его, и лошадь, настоящее

нападательное его оружие, падает убитая, и делает пролом, сквозь который могут проникнуть стоящие подле. В этой борьбе вся выгода на сторон пехоты. Напротив, если бы таже линия кавалерии была вооружена, вместо сабель, пиками, которых ряд выставляется на четыре фута впереди лошадей, тогда ничто не могло бы с успехом противиться ей. Но в бою человек на человека, оружие короткое гораздо удобнее и представляет больше выгод, нежели длинное оружие, так, что гусар или конный егерь, при совершенном равенстве во всем другом, наверное побьет улана. Первым легко отражать удары, и они могут в свою очередь нападать, прежде нежели противник, устремленный на них, приготовится к защите. Таким образом, прилично было бы вооружить 176 легкия войска только одними саблями, несколько кривыми, потому что в отдельном бою он гораздо действительнее палаша. Пусть также будет у них огнестрельное оружие: оно увеличит средства защиты и будет служить для извещения массы войск, которым они должны служить предшественниками и вестниками. Но кирасиры и вся линейная кавалерия должны иметь пики и палаши (прямые сабли); первый ряд кидается в атаку пиками в упор, второй ряд с палашами в руке. Когда нанесен удар и ряды смешаны, тогда сабли второго ряда окончат все дело.

Во времена рыцарских сражений, всадники бывали вооружены пиками; бой шел лицом к лицу и сталкивались прямо, в это время употребление длиннаго оружия имело свои преимущества. Но тогда оно было равной длины у сражающихся. Совсем иное теперь, когда дело идет о войске, у котораго оружие длиннее сабли и поражает не подвергая своего владельца ударам противника. Было сказано, что пика — царица великаго оружия: справедливо, если ее употребляют с разбором. Но не значит ли делать на выворот, когда дают пику легким войскам, и отымают ее у линейной кавалерии, особенно у кирасиров, которых сила могла бы удвоиться от нея?

Если Казаки составляют войско, которое не имеет подобнаго себе нигде в Европе, то это отнюдь не по милости их пики. Их достоинство зависит от частных обстоятельств, следствия нравов и образа жизни людей, поступающих в это войско.

Я приведу один пример, в подкрепление своих мыслей об употреблении пики и о средствах извлечь из нея важныя последствия.

В 1815 году, во время Дрезденской битвы, когда, на левом фланге Австрийской армии, кавалерия оставила пехоту, наши кирасиры сделали много повторительных атак против этой пехоты, но она постоянно противилась им, отбивая каждую атаку. Между тем, невыгоды погоды были все против нея: дождь сделал почти все ружья неспособными к стрельбе. И при всем том, не могли уничтожить неприятельской пехоты иначе как пославши, впереди кирасиров, пятьдесят уланов из прикрытия генерала Латур-Мобура: они прорвали каре и дали кирасирам возможность проникнуть в него и истребит все. Уланы могли приблизиться безвредно, потому что ружейные выстрелы были редки; но тут не было бы сомнения и при всяком другом случае, если бы сами кирасиры были вооружены грозною пикою. Она также победоносна в сражениях кавалерийских, строй против строя, когда у неприятеля в руках только сабли. Превосходное оружие при сближении, или когда хотят сблизиться, она точно так же хороша во время преследования.

Таким образом, я имею право сказать, что грозным оружием линейной кавалерии должна быть пика, и пособием для нея сабля; но сабля и огнестрельное оружие должны составлять единственное вооружение легких войск. Обычай и противные предразсудки, без сомнения, долго еще будут оспаривать эти начала; но истина их кажется мне доказанною.

Граф Витт, после общих движений кавалерии, просил меня назначить людей, без выбора, из разных эскадронов, чтобы я мог судить об отдельном знании каждого. Несколько сот человек выехало из рядов, и я имел наслаждение видеть их необыкновенную ловкость. При этих

маневрах были генерал лейтенанты Яхонтов и Заборинский, и генерал майоры Пален, Лаузель и Есимонтовский (Ezemisosky). Все, они были так добры и вежливы ко мне, что я нахожу особенное удовольствие припомнить их имена и выразить им свою признательность.

После маневров мы отправились в Петриковку, переименованную в Новую Прагу, в награду поселенному там полку, за блестящий подвиг его во время Гроховского дела. Он проскакал через всю линию Поляков, не останавливаясь, до самой Праги. Это кирасирский полк. Он оправдал неопровержимо употребление пик, о котором я сейчас ораторствовал. Этот полк носит имя принца Альберта Пруссаго, своего шефа. Я видел четыре эскадрона: они маневрировали с таким же совершенством как все прочие; может быть, в них я нашел даже некоторое превосходство перед другими. Новая Прага есть штаб квартира полка и вместе дивизии. Я с величайшею подробностью осматривал все заведения: они устроены вполне, и удивляют совершенством по всем частям. Кантонисты, школы, магазины, госпитали, квартиры офицеров и юнкеров (sous-officie), манежи, конюшни, конский завод, все показалось мне выше похвал. Я заметил, как способна здешняя земля для воспитания лошадей, потому что он приобретают рост какой угодно.

Лошади Русских кирасиров гораздо выше, нежели во всех других армиях у того же войска. Оне двумя и даже четырьмя дюймами выше наших и Австрийских. Сверх того, они хорошо сложены, сильны и способны к обучению. Все эти колоссы выходят из полковаго завода.

Вечером мы возвратились в Елисаветград, сделавши сто верст, и, можно видеть как хорошо употребили свое время.

В Елисаветграде около шестнадцати тысяч жителей. В нем порядочная торговля, а самый город лучше всех, какие видел я в Новой России, кроме Одессы. Можно сравнить с ним Бессарабский Кишинев, по наружности и по свойству жителей. Меня сердечно опечалило известие, что часть этого хорошенькаго города, который оставил во мне самые приятныя впечатления, вскоре после моего отъезда была истреблена ужасным пожаром.

Перваго Июня мы отправились в Николаев, где устроена огромная верфь для Русского Флота, во ста осьмидесяти верстах от Елисаветграда; но мы сделали весь переезд в девять часов. Почти невероятно, с какой быстротой ездят в России. А мы еще останавливались осмотреть конский завод Одесскаго уланскаго полка. Я должен повторить о нем, что говорил о других конских заводах. Прибавлю одно, что здесь так легко, естественно, так успешно разведение и воспитание лошадей, что казна, обладая множеством земель готовых для этого, кажется, не должна бы ничем ограничивать столь полезнаго дела.

Неизмеримыя долины, по которым я проезжал уже несколько дней, производят странное впечатление на того, кто видит их в первый раз. Это поверхность ровная, обширная, горизонтальная, напоминающая вид моря; пространства обширныя, где все однообразно, и где можно было бы употреблять не без пользы компас, вместо указателя, если бы его не заменяли торныя дороги. Кое-где, на разстоянии многих верст, видны курганы; но, вероятно, это не были могилы. Скорее можно подумать, что эти насыпи служили наблюдательными пунктами Крымским Татарам, когда, выходя из своего полуострова, они производили набеги до самых берегов Днепра.

От Елисаветграда до Николаева, я во все время ехал параллельно направлению долины, образуемой Ингулом (Iripul). Эта речка начинается около Елисаветграда, принимает в себя множество источников, и вливаясь в Буг она уже значительная река. Соединение Ингула с Бугом образует такую огромную массу воды, что это дало мысль учредить, при слиянии их, военный порт, и Николаев выстроен на левом берегу реки. Он создание Потемкина. Местоположение выбрано хорошо, и для верфи нельзя ничего желать лучшего. Удаленный от

берегов, закрытый от покушений неприятельских, этот порт вблизи всякого нужного продовольствия. Доставка идет по Днепру и через Лиман, который служит сообщением с этою рекою. Так можно доставить сюда лес, железо, пеньку, кожи и все необходимое.

Николаевский арсенал, кажется, еще не соразмерен с своим предназначением и с ролею, которая ожидает его в будущем. Я думаю, здесь надобно иметь многие крытые доки, где бы вдруг могло находиться несколько кораблей. Местность представляет восемь пунктов, способных и удобных для этого. Не так давно кончено полезное дело; прорыть выход из верфи так, что не нужно употреблять камелей для прохода кораблей в Севастополь, где их вооружают. Теперь ста двадцати пушечные корабли могут без труда выходить до самого моря, не встречая никакого препятствия. Местность в Николаеве так удобна для верфи, что могущественная воля в короткое время создает в нем великолепнейшее заведение: надобно только употребить на это несколько миллионов.

План Николаева был начертан в огромном размере, но город выстроен не вполне и в нем еще много больших пустых мест. Дома прекрасные; насажденные деревья украшают улицы; народонаселение будет увеличиваться, по мере, того, как станут производить большия работы. Этот город весь посвящен морской службе: в нем только и живут флотские. Я нашел здесь адмирала Лазарева, отличнаго моряка, который три раза объехал кругом света. Он старался принять меня как можно лучше, и показал все заведения.

Я смотрел великолепный ста двадцати пушечный корабль «Варшаву», который был почти окончен и готов для спуска в море и отправления в Севастополь. В постройке и во внутреннем устройстве его много щеголеватости. Это первый, какой я видел, корабль с круглою кормою: форма, кажется, принятая теперь во всех нынешних флотах. Адмирал был столько обязателен, что послал к эскадре, крейсировавшей в Черном Море для обучения, приказ возвратиться в Севастополь, для того чтобы я мог видеть ее по приезде туда.

Я осмотрел обсерваторию, которая находится за городом, на хорошо выбранном месте. В ней есть прекрасные инструменты, и, между прочим, превосходный телескоп Рейхенбаха, с балансом, почти такой же как в Венской обсерватории. Тут я видел еще один любопытный инструмент, показывающие, что постройки, на вид самая твердая подвержены сотрясению, от действия самой слабой причины.

Отдельный от здания столб утверждён на двадцати футах каменнаго фундамента, вдали от всякаго внешнего действия, и на нем находятся часы или хронометр. На верху поставлен испытательный снаряд, изобретенный чрезвычайно остроумно. Он состоит из самага тонкаго и гибкаго стальнаго прута, с тяжестью на верхней его оконечности эта тяжесть приходит в колебание от легчайшаго движения, так что даже ход секундной стрелки на часах производит в ней колебание, сообразное движению стрелки.

Обсерваторией управляет астроном, молодой человек высоких достоинств, и вместе скромный, простой в обращении. Это Г. Кноре, уроженец Дерпта и воспитанник тамошняго университета. Я уверен, что он займет место в ряду первостепенных ученых.

Я осматривал дом, построенный Потемкиным, и сад, насаженный по его приказанию в несколько дней, для приема Императрицы Екатерины II, во время ея путешествия в Крым. Дом, величают дворцом. Он на берегу реки, в приятном местоположении, но достоин замечания единственно по тем обстоятельствам, которые соединенным с его постройкою. Флотские музыканты первоначально заведенные здесь князем Потемкиным, играли Русские песни, чрезвычайно приятныя. В Русской музыки есть свой особенный характер; это самая мелодическая из всех народных музык. Выражение в ней глубокое и меланхолическое; она превосходно изображает страдание души, горесть отсутствия, словом, все чувства,

запечатленные грустью; а звонкие и чистые голоса, столь общие у всех жителей Малороссии, придают ей новую цену.

2-го июня, вечером, мы взошли на пароход, принадлежавший к Черноморскому флоту, и трестяго июня утром отправились в Одессу. В тот же день останавливались мы пред Очаковым.

Я осмотрел остатки этого знаменитого города. Все выпуклости, где была крепость, еще видны и представляют груды развалин. 6-го Декабря 1788 года крепость была взята с бою, сильным приступом. Турецкий гарнизон, в сорок тысяч человек, весь погиб при этом. За три месяца перед тем, Суворов, досадуя на медленность осады, сам собою, с одним полком, овладел валом. Он думал, что такой успех заставит поддержать его, и что крепость будет взята; но армия осталась неподвижною зрительницею его блестящего подвига, и Суворов, раненый, был принужден покинуть взятый им пост. Потемкин, в наказание, послал его начальствовать в Кинбурн. Это обстоятельство дало ему случай покрыть себя славой, когда он, с девятьюстами человек, бросил в море три тысячи Турок, вышедших на берег с намерением овладеть там важным пунктом.

С того времени, какая огромная перемена к этой части Европы, и какие успехи сделала Россия!... Татарския орды выходили из Крыма, и, соединяясь с Турецкими армиями, вели войну на Днепре: Украина была Польскою областью; армии Польския, принимаясь за оружие, составляли одну линию с Турками и Татарами.... Теперь Россия в сердце Германии, у ворот Вены, Берлина, и имеет большую политическую власть в Константинополе, Россия, как первенствующая Держава в Европе, приняла такой вид со времен Екатерины II; но, за то, как искусно действовала она! Какое неизменное соединение могущества оружия с политикою глубокою и просвещенною!

5-го Июня, дурная погода заставила нас остановиться перед Кинбурном, а 4-го утром мы опять увидели Одессу.

Одесса представляет дивный вид с моря: вот с которой стороны является она в величайшем великолепии! Я возвратился в этот город с истинным удовольствием, восхищаясь, что опять вижу друзей, которых оставил там. Несколько дней употребил я на обозрение заведений, которых еще не видал, снова объехал окрестности города, и 8-го июня мы отправились в Крым.

Никогда путешествие не было устроено так приятно. Мы заняли великолепную Императорскую яхту, построенную по образцу яхты Английскаго короля. Сверх того, с нами был пароход для буксира, если бы безветрие стало мешать плаванию нашему.

На яхте соединилось общество самое избранное, самое любезное. Его составляли: граф и графиня Воронцовы, княгиня Голицина, урожденная Нарышкина, графиня Шуазель, урожденная Голицына, граф Витт и князь М. Голицын. Это очаровательное общество, соединенное на прелестной яхте, в усладительное время года, для путешествия, котораго целью было удовольствие, представляло все что только можно вообразить пленительнаго. Особенно мы наслаждались, чудными вечерами. Тихия ночи на спокойном море при освещении звезднаго неба, наполняют душу усладительными чувствами; каждое произнесенное слово получает от внутренних ощущений удивительное выражение, котораго нельзя передать. Мелодический голос Г-жи Шуазель оживил эту сладкую мечтательность. Ее милый характер ни однажды не изменил внимательности ея к нам, и большая часть ночей наших проходила на палубе яхты, оставляя в каждом из нас глубокия и сладостныя воспоминания.

Пароход оказался чрезвычайно полезным для нас: он тихо влек наш плавающий дворец, и при его пособии мы прибыли в Севастополь 10-го числа утром.

В Севастополе великолепный порт, и для него все сделала сама природа. Глубокий рейд его, в который входят через отверстие в семь сот туазов ширины, очень просторен, удобен для плавания, и позволяет судам лавировать; но он и столько сжат, что закрыт от моря. Защитить его легко. Порт окружен тремястами пятьюдесятью пушками, и в него нельзя прорваться; сверх того, хотели еще прибавить тридцать бомбовых пушек изобретения Пэана (Paixhans).

Этот вход ведет ко многим внутренним гаваням, которые нечто иное как бухты или углубления, оканчивающиеся главным углублением, так, что из них можно выбирать, смотря по времени года, по обстоятельствам и по поде, самое приличное якорное место. Грунт везде превосходный иловатый, и глубина одинаковая даже подле самих берегов. Все это местоположение сравнил бы я с деревом, у котораго разрослись ветви. Тоже самое можно видеть в Мальте; но здесь канал длиннее и пространство обширнее, так, что в нем можно поместить неограниченное число кораблей.

Здесьняя морская местность одна из прекраснейших в мире, и природа окружала ее такими обстоятельствами, то есть таким особенным образованием земли, и ветрами, дующими постоянно с моря и с берегов, что равно удобен и вход и выход.

Дивизия флота, бывшая в море для обучения, возвратилась. Она состояла из пяти линейных кораблей и пяти фрегатов, и через два дня должна была отплыть снова. На другой же день отправился я смотреть ее, и был на великолепном корабле, где видел совершенство порядка и прекрасный экипаж. Нельзя не изумляться успехам России по всем частям. Какая разница между этой эскадрой и той, которая, двадцать восемь лет прежде, была в Каттаро под начальством адмирала Сенявина! Корабли тяжелые и дурно построенные, обшитые деревом, как самые плохия купеческия суда, дурно оснащенные, неповоротливые и неходкие, управляемые экипажами не искусные, вот что я видел тогда. Такой флот мог сражаться только с Турецким; нынешний в состоянии померять сил со всеми флотами в Европе.

Морская часть в Севастополе под начальством контр-адмирала Кумани. Этот адмирал, Пелопонесский Грек по рождению, воспитывался в России. Он оказал Русской армии большую услугу во время последней войны с Турками, овладел Сизополем, что и позволило учредить складочное место съестных и военных запасов в Бургасском заливе. Он показался мне человеком умным и решительным. Другой контр-адмирал был на флоте и принимал меня среди своей дивизии. Это адмирал Скаловский (Starepowski). Генерал-лейтенант Розен начальствовал над сухопутными силами и артиллерийский генерал майор над берегами. Шесть других кораблей стояли разснащенные и починивались. Они должны были, через два месяца, выйти для обучения и сменить пять кораблей, находившихся в море.

Какая удивительная выгода для образования флота иметь такое внутреннее море как Черное, где и во время войны и во время мира можно маневрировать безопасно! Плавание здесь не без затруднений: близкое расстояние берегов и порывы ветра делают это море хорошою школою. Но, обученная достаточно, Русская эскадра может ждать времени для своих действий, и естественно находится на своем поле сражения, вблизи от всех пособий, между тем как та, которая будет некогда сражаться с нею, удалена от своих пособий на расстояние безмерное. «Варшава», корабль, построенный в Николаеве, должен был скоро прибыть в Севастополь; следовательно силы этой эскадры увеличивались до двенадцати линейных кораблей.

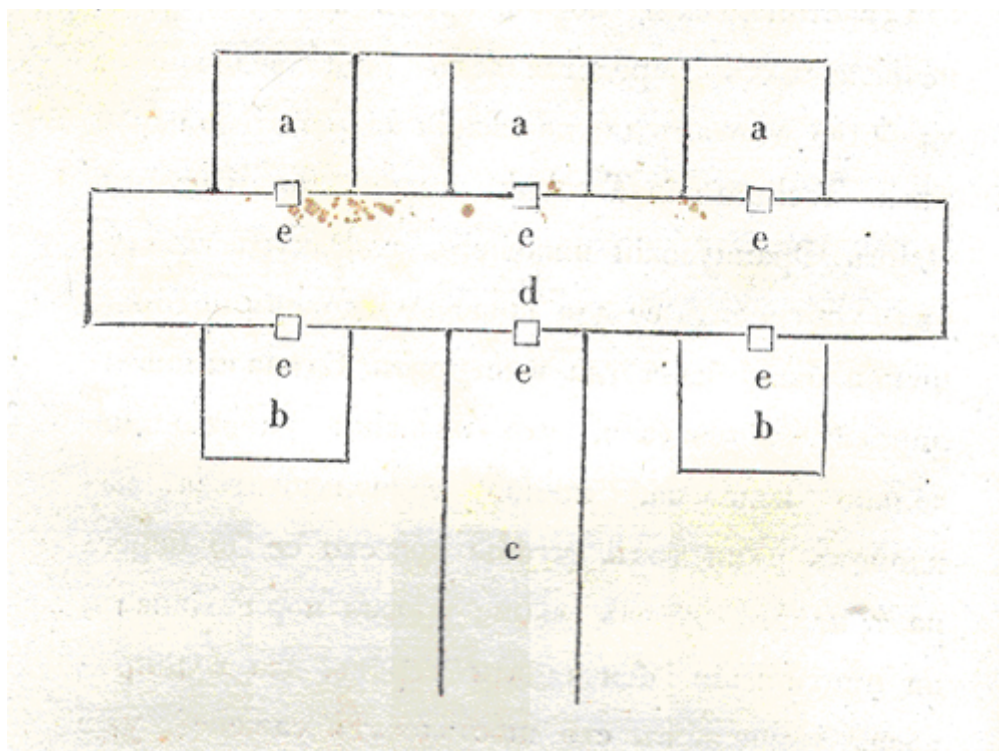
Начало города Севастополя надобно полагать с того времени, как Русские владеют Крымом. До них, рейд был пустыней. Теперь, все народонаселение, прямо или косвенно, живет здесь для морской службы: отставные офицеры и матросы тут и остаются; работники всех родов

сходится сюда. Народонаселение здешнее, включая экипажи кораблей и сухопутные войска, простирается до тридцати тысяч человек.

Тут же выстроена крепость; но находясь на севере от порта, на возвышении, довольно удаленном от моря, она не закрывает города, отделяется от него портом, и не защищает ни порта, ни входа, потому что слишком удалена от моря. Город надобно было бы защитить и это легко сделать, построивши несколько укреплений небольшого размера на высотах, которые им господствуют.

Вообще, все приморские места, где существуют военные заведения, должны быть укреплены, во-первых потому, что они заключают в себе огромные богатства, и более потому, что гарнизон для них всегда готов: сообразите только что в непредвиденном случае могут составить его те-же флотские, которые, в большем или меньшем числе, всегда живут там.

Севастопольский порт, кроме выгод, здесь исчисленных, представляет еще величайшее удобство флотам для наливания водою. Небольшая река, Tschomnaïa Tecshak, течет по близости. Один Французский инженер, г. Рокур, придумал употребить ее для запасных доков, которые можно было бы тогда выстроить. Сделали нивелировку, и увидели, что, начавши работы довольно издали, можно воспользоваться наклоном реки так, чтобы довести ее до берега на тридцать футов выше уровня моря. Канал, на протяжении осьмнадцати верст, два водопровода, тоннель в сто шестьдесят сажень, уже окончены, и успех непременно увенчает это превосходное предприятие, которое мне кажется единственным. Все известные доки или наполняются и осушаются морским приливом и отливом, и вода из них выкачивается ручными насосами, не то паровую машиною. Здесь они будут наполняться сверху; а разность в уровне вод дает средство осушать их когда угодно. В них будут помещаться три линейные корабля и два фрегата вдруг. О расположении этой постройки можно судить по следующему очерку:

a. помещения для линейных кораблей,

b. помещения для фрегатов.

d. док.

е. шлюзы.

с. соединительный канал с моря.

Исчислено, что эта великолепная работа не будет стоить больше трех миллионов рублей, и что она окончится в три года. Теперь занимается ею Английский инженер, г. Джон Ньютон.

По распоряжению ИМПЕРАТОРА Севастопольская эскадра всегда готова своими собственными средствами, или с некоторым пособием, принять на свои корабли шестнадцатитысячную дивизию войск, расположенную вблизи, на полуострове. Войска эти могут быть посажены на корабли в двой сутки, и эскадра отправится на другой же день; а как в Черном море почти всегда дуют северные ветры, она через сорок четыре часа будет у входа в Босфор. Таким образом, если бы политическая обстоятельства потребовали послать туда эти силы, они были бы там через пять дней по получении приказа, то есть гораздо прежде, нежели посланники Англии и Франции получили бы известие, что к тому приготавливаются. Со времени упадка Турецкого могущества, никакая борьба между Россией и другими Европейскими державами невозможна в здешнем море. В самый день разрыва, граница Русская будет уже в Дарданелах.

В четырех верстах от Севастополя, на южном берегу на возвышении видны древняя развалины города Херсона. Они не представляют ничего замечательного: обломки, где нельзя найти никакого произведения искусства.

В небольшом расстоянии отсюда есть место, которое в древности называлось Парфеноном. Предания помещают там храм Дианы, где приносились в жертву люди, и где Ифигения была жрицей. На том же месте возвышается Греческий монастырь св. Георгия.

Крым образует полуостров, почти на сто двадцать верст в ширину и сто шестьдесят в длину, начиная от перешейка, соединяющего его с материком, до южной точки, и от окрестностей Севастополя до Кафы, древней Феодосии, то есть на пространстве двух сот верст. Берег обрамлен цепью гор, которая идет поясом. Возвышенность этих гор различна, однако довольно значительна. Самая знаменитая гора известна под именем Чатыр-Дага. Эта гора находится при начале восточного берега; цепь идет непрерывно понижаясь и оканчивается у полуострова Керчь, где было древнее Босфорское царство. Толща горной цепи не везде одинакова, но вообще ширина ее не очень велика. За горами, к северу, открываются обширные долины, печальные, обнаженные, сухие, бесплодные: они образуют возвышенную плоскость. На противоположной покатости, великолепная растительность и вековые леса; из скал бьют многоводные ключи; здесь климат усладительный и все стихии плодородия и богатства.

Я желал обозреть Крым подробно, и граф Воронцов, по необыкновенной своей благосклонности, принял труд сопутствовать мне, и быть моим путеводителем. В Севастополе я простился с милыми сопутницами моего путешествия, и должен был встретить их опять на южном берегу. Граф Воронцов, князь М. Голицын, г. Башмаков, предводитель дворянства, доктор Зенг и я, отправились во внутренность полуострова.

Прежде всего мы осмотрели работы, начатые для проведения воды: они обдуманы хорошо и идут очень успешно. Через горы, не так высокие, но бесплодные и обнаженные, мы приехали в Каралес, к Татарскому князю Абдил-Бею, владельцу небольшого замка при подошве крутой скалы. Там нашел я нравы и обычаи Мусульманские. Нам хвастливо подавали обед

изобильный, но не одного кушанья нельзя было есть. После нескольких минут отдыха, мы оставили этот гостеприимный кров, где по крайней мере, хотели принять нас хорошо.

Мы продолжали путь к Бахчисараю, по стран сухой, бедной и ничтожной как только можно больше. Видны обширные равнины меловой земли, холмы без деревьев, белая скалы, напоминающая вид Шампани, от Витри до Шалона. Но земля здесь плодородна: хорошо обработанная она приносит, как уверяли меня, пятнадцать и двадцать зерен на одно посеянное пшеницы и ржи. Недостает рук, и почва остается не возделанною. Несколько ручьев, которые во время дождей превращаются в потоки, обрисовывают долины, где есть и деревья, и растительность, но долины эти очень узки.

В Бахчисарай приезжаете, не заметивши его. Этот город имеет особенную физиогномию. В нем только одна улица, хотя жителей от восьми до десяти тысяч обоих полов. С одной стороны его быстрая речка, с другой гора, совершенно бесплодная, нагая, без малейшей растительности. Но в конце города, или, по крайней мере, близ верхней его оконечности, долина расширяется и вся занята дворцом, в котором жила хан. Дворец поправили тщательно и поддерживают так хорошо, что он теперь точно в том виде, как был при своих прежних обладателях. Он состоит из нескольких дворов и разных зданий с решетчатыми окнами, как в Мусульманских домах на Востоке. Комнат во дворце множество они расположены больше или меньше странно и убраны довольно богато. Во многих залах льются неисякающие фонтаны; в других есть бассейны из белого мрамора, где фонтаны бьют вверх. Можно вообразить себя перенесенным в какой-нибудь дворец Азии или Кипра: все напоминает тамошние обычаи, нравы, привычки. Маленькие сады с цветами дополняют общность. Подле дворца есть мечеть, очень красивая. Вблизи нея, в отдельной ограде, могилы всех ханов, господствовавших в Крыму. Во дворце есть Христианская часовня: говорят, она основана в то время, когда пленная графиня Потоцкая была женою одного хана, который очень любил ее и позволил ей остаться в ее религии.

Бахчисарай весь населен Татарами. Нравы у них Мусульманские, но без всякаго фанатизма. Это народонаселение превосходное: обхождение его важно и холодно; говорят, что это люди правдивые и честные.

День был Пятница: мы пошли в мечеть, присутствовать при вечерних молитвах. Оснадцать дервишей, стоя кругом, под начальством старшаго в обрядах, читали стихи Корана. Один молла пел другие отвечали с разными изменениями голоса и кривляньями. Иногда медленно, иногда поспешно, горловыми звуками, или из груди, они произносили имя Аллаха. Дервишей напрасно сравнивают с нашими монахами. Монахи не принадлежат к обществу, а дервиши могут исправлять всякие должности, заниматься всеми ремеслами. Если походят они на кого-нибудь в католичестве, то разве на некоторые братства в Италии и Южной Франции; но у тех положены в основание благотворительность, таинственная преданность, личное пожертвование собою на пользу страдающих или общества. Таких понятий нет и следа у Мусульман. Это братство, но без обязанностей и добродетелей, не, разлучных с нашими.

Происхождение Татар, живущих в Крыму, вопрос достойный любопытства. Никакое предание не назначает определенной эпохи прибытия их в Крым. И места, откуда происходят они. Вообще полагают, что они пришли в эту часть Европы в то время, когда Чингис Хан ниспровергнул мир, и что они потомки его поколения. Но Чингис Хановы Татары были Монгольского племени, а Монголы племя Китайское, и черты его имеют неизгладимый характер, который отличает их от всех других народов. После буду я говорить о Ногайских Татарах: вот они этого происхождения, и сохранили всю его физиогномию.

Крымские Татары гораздо больше сходны с Османлисами. Они также высоки и красивы; черты лица их резки и правильны: в них есть также природная возвышенность, и сходство в лице и нравах: они также спокойны и важны. Но они пришли в Европу прежде появления Османлисов. Можно предполагать, что Монгольские завоеватели были ни многочисленны, что

вскоре они слились с прекрасным народонаселением Скифских и Греческих колоний, которое занимало Тавриду и сделалось Мусульманами. Можно думать также, что потом к ним присоединилось множество Османлисов, и из этой смеси вышло прекрасное племя, которое теперь поражает глаза.

Бахчисарай, как видно, был с незапамятных времен столицей Тавриды. Этот город назывался никогда Патакион. Скифские цари, когда их разгромил Митридат, соединились там и хотели продолжать сопротивление; но вскоре они пали. При этих-то обстоятельствах был дан политический урок, пересказанный всеми историками. Главный из Скифских царей, Скилурос, прежде своей смерти хотел поразить умы вещественным примером, дать благой совет многочисленным детям своим, и прекратить несогласия, бедственные для его народа. Он подал им связку стрел, которой никто из них не мог переломить; но он сам разломил ее очень легко, вынимая стрелы по одной: символ необходимости союза для тех, кто хочет быть сильным. Голландцы приняли его, когда сражались за свое освобождение.

13-го числа Июня, утром, мы ездили осматривать деревню Чуфут-Кале, в одном лье от Бахчисарая. Она расположена на вершине горы, в самом бесплодном и раскаленном месте. Кажется, только осуждение могло бы заставить жить там. Но нет: по выбору, совершенно свободному, в этом месте живет народонаселение, в особенных обстоятельствах, и уже с незапамятных времен.

Все здешнее народонаселение составляет секта Жидов, которые отделились от своего народа прежде Рождества Христова. Почти все они обитают в Крыму: самая большая часть их находится в Козлове; очень немногие живут еще в Константинополе и в Иерусалиме. Вообще, всего этого народа не больше двадцати тысяч. Их называют Караимами. Они не веруют в Талмуд: они ближе других Жидов к первобытному закону и придерживаются Скрижалей Завета, переданных Моисеем. Они не вступают в союзы и даже не едят с другими Жидами. Славясь своим богатством, они почитаются верными своим обязательствам. Живущие в Чуфут-Кале занимают домов триста. Вероятно, они избрали это жалкое место с целью обезопасить себя. Там можно защищаться, и они могли в нем не допускать грабить себя и оскорблять. Каждый день приходят они в Бахчисарай по своим делам, а ночевать возвращаются в свое убежище.

Ныне, под властью России, они были бы везде безопасны: но Караимы привязаны к своим привычкам, и подвергаются страданиям и лишениям, к которым уже нет никакого повода. Мы были в их синагоге, где раввины, со своими помощниками, возгласили мольбы о благополучном моем путешествии.

Замечательное дело, что Восточные жители, и особенно Жиды, имеют потребность напоминать о своем происхождении и подкреплять себя воспоминанием об отечестве, которого лишил их гнев небесный. Жиды-Караимы в Чуфут-Кале избрали себе для кладбища углубление почвы, не далеко от своей деревни, и называют его долиною Иосафатовою. Довольно красивыя деревья дают здесь тень: она конечно ни сколько не пособляет мертвым, но призывает к себе живых отдыхать, размышлять и молиться за тех, кто был им мил. Эта мысль приятна для ума и для сердца. Место это выбрано здесь лучшее, и в сравнении с настоящею долиною Иосафатовою, вдоль которой тянется изсохшее русло Кедрона и где нет ни одного дерева, здешняя долина казалась бы восхитительною.

У Жидов Караимов прекрасные лица, спокойствие, достоинство в поступи, и ни сколько нет того отвратительнаго вида, каким вообще отличается Жидовский народ.

Возвратившись из этой долины Иосафатовой, мы поехали осмотреть Успенсктй монастырь. Без сомнения, тут было жилище первых Христиан в Средние Века. Гроты и лестницы,

насеченные в скале, на половине горы, а на боку ее немногие постройки, соединяющие разные части: вот что называют Успенским монастырем, в котором некогда обитали отшельники. Один из гротов заменяет церковь: в ней служат обедню каждое Воскресенье; в большие праздники тут присутствуют все окрестные Христиане.

Утром 13-го Июня мы отправились в Симферополь. Точно такая же почва, какую видел я ехавши в Бахчисарай: страна столько же печальная, пустынная: реки чрезвычайно слабыя или безводные в жары, быстрые и порывистые во время дождей. Немногие деревья нарушают это однообразие; но где долина расширяется, там видны обработанные земли, сады и некоторые полезные растения. Мы остановились в Собла, даче графини Лаваль. Здесь, как говорят, были первые насаждения, и это первое место, которое сделалось обитаемым. Растительность, прелестная и самая разнообразная, показывает все, что может производить эта страна. За здешним управителем дочь Г-на де Серра, Французского химика, некогда лаборанта у Фуркруа, а теперь управляющего Императорскими землями в Орианде.

Симферополь, ныне губернский город в Тавриде, в котором живет губернатор и помещаются присутственные места, выстроен посреди степей. В нем от пяти до шести тысяч жителей. Старый город похож на какое-нибудь местечко западной Европы; в новом городе дома прекрасные, но разсеянные на безмерном пространстве.

Это общий недостаток новых построек, в странах идущих к улучшению, каковы например Венгрия и Россия. Стараясь избегать неудобства прежних городов в старых государствах, где большое народонаселение помещается невыгодно для здоровья, лишено воздуха, и в тесных улицах сближено с маленькими, недостаточными домами, стараясь избегнуть этого неудобства, говорю я, впадают в противоположное. Дома так далеко один от другого, улицы так несоразмерно широки, площади так обширны, что народонаселение разсеяно и город не похож на город. Жители здесь будто сельские соседи: построились ближе для легкости в сообщениях, но не хотят жить в одном месте и соединиться общими выгодами.

Дома в Симферополе с садами: это больше дачи, нежели городские жилища; много ли надобно, чтобы эти сближенные здания приняли вид города, как мы понимаем его.

Г. Казначеев, губернатор Таврический, человек предупредительный, любезный и обязательный: он принял меня как можно лучше, и с этой минуты сопутствовал нам вовсе остальное путешествие мое по Крыму.

Я ездил осматривать сверление артезианского колодца. Вода была уже очень близко поверхности, когда, стараясь заставить ее брызнуть вверх, продолжали работу; но вода понизилась от этого; сверления не останавливали, и она возвысилась опять до прежней точки. Кажется, что расположение местностей в Крыму очень способно для таких предприятий, и что везде можно будет достать воду в степях: вот это будет благодеянием и источником богатства.

Для сверления земли употребляли жерди с железною оковкою. Этот способ, да и самые артезианские колодцы, известны с давних времен в Сибири: их устроили для достижения до соляных источников, и часто прорывают землю на тысячу футов. Таи нет других соляных приисков. Необходимо наблюдать только одно; чтобы снарядом действовали осторожно и избегали ударов в бок. Внезапный толчок непременно сделает прорыв. Осторожная работа требует меньше издержек, но она медленна. В такой почве, как Крымская, сверлят на шесть дюймов вокруг деревянным шестом, между тем как железным шестом могли бы сверлить на тридцать дюймов.

Люди часто глядят на новые предметы, или занимаются делами своих отцов, без размышления. Теперь везде работают над артезианскими колодцами, которые могут и должны оказать величайшие услуги земледелию и общественным удобствам: но они были с давних времен известны в Сибири и в других странах. В Артуа, от которого происходит и название их, они были в общем употреблении, и так давно, что, как известно теперь, колодезь в Лилле, существующий до сих пор, был вырыт за восемь сот лет, и с той поры непрерывно доставляет воду. Новый способ для делания этих колодцев, посредством удара, изобретенный в Италии, и делающий работу больше легкою и дешевою, без сомнения будет принят в Крыму и дает средство увеличить число артезианских колодцев.

Мы останавливались в прелестном жилище, версты за полторы от Симферополя. Оно принадлежит графу Воронцову, а было устроено г-м Нарышкиным, прежним губернатором Таврическим. Прелесть новых жилищ здешней страны в том, что они удобны и изящны: их устраивали люди, которые путешествовали, и брали в образец из лучшаго, виденнаго ими в других местах, что только применялось к собственному их положению. Таков здешний дом графа Воронцова, где сад распланирован превосходно и покрыт прелестными деревьями.

14-го числа мы поехали в Алушту, где опять очутились на берегу. Мимоездом осмотрели мы артезианский колодезь с полным разгуле его. Глубина колодца восемьдесят один фут. Он произведение случайное: думали, по некоторым признакам, что в земле есть каменный уголь; чтобы удостовериться в том, опустили сверло, и вода брызнула из почвы.

Оттуда мы отправились в Килбурн, принадлежащий Г-ну Перовскому: он также был Таврическим губернатором и устроил себе жилище, в которое удалился. Странно, что первые из богатых людей, приехавших поселиться в Крыму, не открыли неизмеримых выгод южного берега, обещавшаго всякому, кто станет обрабатывать его, и богатое вознаграждение и пленительное жилище. Г. Перовский сделал все, что только можно было, из избраннаго им места: хотя дом у него прекрасный, сад цветущий, но окружающия места всегда будут наводить току в этом жилище. Он принял меня как можно лучше, заботился как можно вообразить, и желая на далеком пространстве ознаменовать свой добрый прием, призвал канонеров из Симферополя: ему хотелось приветствовать меня залпом артиллерии. Здесь был некогда Гилейский лес, где погиб Анахарсис, ученик и друг Солона. Он возвращался из Греции, где изучал науки и философию, стараясь зажечь факел образованности в своей стране, когда пал под ударами неприязненной руки. Его убил Саулиос, родственник его и царь Скифский, правивший Тавридой. Такую участь имели многие люди, слишком опередившие свой век: благодетели человечества они были не признаны своими современниками.

Отобедавши у Г-на Перовскаго, мы продолжали наш путь в Алушту. Дорога идет по боку Чатыр-Дага, самой высокой горы на всем полуострове. Приближаясь к ней видишь рощи, и отдыхаешь. Эта гора заметна и с моря и с внутренних долин: она везде господствует и повелевает. Вся горная цепь и отрасли ея кажутся руками этого гиганта. Отсюда-то, как из главной точки, выходят, в разных направлениях, все воды, орошающия Крым.

Вечером, в одиннадцать часов, приехали мы на берег, в Алушту, которую можно почитать средоточным местом обработанной части его; но она только начало этого прелестнаго берега, потому что большая разница между протяжением к востоку и к западу от Алушты. В западной части встречаются все роды богатства и красоты. На этой стороне плодоносная и глубокая почва, обильные источники, сланцовыя земли, удивительно пригодныя для винограду, и верхние холмы покрыты превосходными лесами, над которыми господствуют величественныя скалы. Здесь видна большая деятельность. Расчищают земли, сажают виноградныя лозы и оливковыя деревья, везде строят, везде обрабатывают; каждый день можно видеть новые успехи. Богатые люди выезжают сюда из внутренности империи наслаждаться пленительным

климатом, и приносят свои капиталы. Все это движение, все успехи произведены графом Воронцовым, который могущественно ускоряет их двумя способами. Как генерал-губернатор южной России, он облегчает все частныя предприятия в покровительствует им; как помещик он пример, которому всякой старается следовать. Выполняя дело самое полезное для своего отечества, он образует огромное местное имение, и присоединяет его к другим своим богатствам, чрезвычайно огромным.

15-го числа мы отправились далее по южному берегу. В Буюк-Ламбат остановились мы у генерала Бороздина. Это еще один из прежних губернаторов Крыма, и один из первых, которые старались придать истинную цену богатствам здешней страны. Жилище у него скромное, но милое; возделывание земель, кажется, идет очень хорошо, а вина г-на Бороздина превосходны. Сделанное на подобие нашего Шампанскаго могло бы обмануть наших знатоков. Подле живет брат г-на Бороздина: у того жилище еще прелестнее. Далее мы остановились в деревне Пастимиле (Pastimil), которой имя отзывается как-то исторически. Прекрасное ореховое дерево, необычайное огромностью, украшает площадь деревни; оно принадлежит трем фамилиям. Под тенью этого дерева принц де Линь написал и означил, что он написал там, свое письмо к Императрице Екатерине, во время путешествия по Крыму. Мы переехали Медвежью гору (Аю-Даг), которая выдается в море, и на западной стороне ее были в прелестном поместье, которое продано г-м Олизаром г-ну Потемкину.

К концу дня приехали мы в Гурзуф, сельский дом, в приятном местоположении, принадлежавший графу Воронцову. Прежде это было поместье герцога Ришелье, но он никогда не видал его. Оно может служить примером, как быстро и почти невероятно возрастает ценность земель в здешней стране. В этом поместье сто сорок десятин земли. В 1817 году оно было куплено для Герцога Ришелье за три тысячи рублей. На строение и расчистку земель употребили двадцать тысяч рублей. Граф Воронцов оставил себе сто десятин, и продал дом с сорока десятинами за сто тысяч рублей. Почти все поместья на южном берегу так же возвысились в цене в последние пятнадцать лет, и все цене нынешние владельцы с пользою употребляли свои капиталы.

На следующий день мы остановились в Данилове (Saint-Daniel), другом поместье графа Воронцова. Здесь образец хорошей обработки и благоразумнаго расчищения земель. Изумительныя соединения разных родов винограда обещают лучшия последствия для качества вин. Построены обширнейшия погреба, а над ними огромныя кладонья и прессовальныя, необходимыя для обработки. Я отвеживал прошлогодня вина: они превосходны, особенно три сорта их, одно на манер Бургонскаго, а два сладкия, похожие на алеатико и на мюскат-фронтиньян. В сдешних округах уже обрабатывается в большом виде тридцать шесть родов винограда, избраннаго в лучших виноградниках Бургони, Бордо, берегов Рейна, Венгрии, Испании, Португалии, Мадеры. К ним прибавлено еще тридцать четыре рода других, которые станут обрабатывать с особенною деятельностью. Кроме всех этих лоз есть еще тридцать два рода винограда столоваго, избраннаго из самых лучших и нежных вкусом, потому что здесь учрежден разсадник, где собраны почти все породы, которыя находятся в Люксенбургском разсаднике в Париже. Никогда не занимались обработыванием винограда более в обширном виде, с большею системою, и при обстоятельствах больше благоприятных.

Опыт покажет занимающимся, каким породам винограда они должны отдать преимущество, и какия при удовлетворительном качестве дадут более произведения. Это задача денежная, которую решит время. Уже известныя следствия показали, что при такой попечительности можно получать вина превосходныя, и всех качеств. В самом деле, здесь соединены все

условия для этого: свойство и разнообразие виноградных лоз, почвы, климата, местоположения, Южный берег Крыма на различных возвышениях своих, представляет все роды почвы, все температуры, все местоположения.

Таким образом, есть основательные причины надеяться делать вина не только похожие на известные в других странах, но, со временем, и совершенно новые, через смешение разных родов винограда, обыкновенно растущих в отдаленных один от другого местах, а здесь сближенных в одном округе, при всех условиях, каких они требуют, так, что можно будет придавать винам букет и запах совершенно особенные.

Мы остановились в Никите. Тут Императорский ботанический сад, и есть разсадники, из которых берут присадки винограда для новых опытов; но обработавание пород, о которых я говорил, уже производимое в большом виде частными людьми, представляет последствия чрезвычайно значительные. Ботаническим садом управляет г-н Гартвис, отставной артиллерийский офицер: он показался мне человеком сведущим и скромным.

Обдатель приехали мы в Массандру. Это еще имение графа Воронцова. Там ожидали нас графиня Воронцова и дамы, спутницы ея. В числе их была г-жа Поджио, дочь генерала Бороздина, которая выходила за князя Гагарина. Обряд совершился в прелестной церкви Массандры, только что построенной графом Воронцовым. Я в первый раз видел совершение брака по Греко-Российскому обряду. Тут, между прочим соединенная чета обходит торжественно вокруг церкви (вокруг наоя): зрелище прекрасное, какое-то провозглашение счастья в будущем, торжество сердца! Но как часто эти надежды бывают тщетною мечтою! Я никогда не мог без душевного волнения присутствовать при заключении брака: это такое значительное действие! Его следствия решают судьбу человека. Для мужчины это половина жизни; для женщины—все ея существование.

Окрестности Массандры плодоносны удивительно. Они составляют амфитеатр, покрытый прекраснейшими деревьями, и по нем течет множество обильных ручьев. Сделайте это место увеселительным садом, и вы будете иметь все, что можно вообразить прелестного: преобразите его в плодovitое поле, и у вас будет все, что можно представить себе производительного.

Из Массандры поехали мы в Ялту. Этот город (?) при устье Рекафеша (Rekaffesch), на берегу моря, представляет якорное место для купеческих кораблей. Небольшая выпуклость берега служит защитой от западных ветров. Мол, в сорок пять туазов, который уже начат и должен отстроиться с два года, будет защищать от ветров с юга: здесь образуется складочное место для разных произведений, для запасов, и место для нагрузки зернового хлеба. Город очутится точно в таком же местоположении, как Онеилла при Генуэзской реке, и будет походить на нес. Граф Воронцов дал всей стране столь сильное направление к богатству и всяким улучшениям, что это движение истинных успехов уже не может остановиться.

Из Ялты мы прибыли в Орианду, в прелестную дачу графа Витта, где и остановились. Хозяйкою нашею была очаровательная г-жа Собаньская. Но об этом жилище буду я говорить после, описывая проведенное в нем время.

Отобедавши, мы продолжали путь и приехали в Алупку, резиденцию и любимое место графа Воронцова. В Алупке растительность еще прекраснее, нежели в других местах. Обильные, свежие источники удивительно оживляют природу. Сад, отчасти уже оконченный, будет восхитителен. Дом, в котором живут теперь, только временный: начат другой, в самых обширных размерах. Это великолепное жилище напомнит прекраснейшие замки Англии, где принят для них стиль готический. Здесь все предположено в самом обширном виде. Это будет

достойное жилище создателя Крыма, и приличное главное место огромного имения, вдруг возникшего на здешнем берегу прозорливостью и просвещенною деятельностью.

Крым богат строевыми материалами. В Алушке добывают мрамор, зеленоватый оттенком и принимающий красивую полировку. Граф Воронцов хочет одеть им свой замок. Я убедил его велеть полировать некоторую часть симметрически: тогда, солнечные лучи, ударяя на этот мрамор, будут производить сильный отблеск, видимый издали, с определенных мест. Известно, что солнечные лучи, отражаясь на стекле, бывают видимы на расстоянии около сорока лье: почти такое же действие должен производить хорошо полированный мрамор; а как дом графа Воронцова возвышается на сорок восемь метров над поверхностью моря, то более чем за двадцать пять лье в море можно будет видеть этот блеск, который станет означать место жилища, гораздо прежде нежели само оно будет видно.

Четыре дня протекли для меня в полном наслаждении, в искреннем кругу этого очаровательного семейства. Временный дом, который мы занимали, окружен с четырех сторон балконами, обширными и широкими. Там проводили мы наши вечера, всегда жалел, что они оканчивались слишком скоро. Мы вспоминали о наших ночах, проведенных на яхте, и каждый старался собрать дань со своей памяти, желая своим рассказом участвовать в общей веселости. Как приятны и усладительны были эти вечера!

Я осмотрел все окрестности; видел заведение княгини Голицыной, преклонной летами, которая одна из первых разбила свой шатер на берегу Крыма. Дом ее в Хореисе. Я видел также дачу г-жи Нарышкиной, в Мисоре, и наконец обширные насаждения оливковых деревьев графа Воронцова. Эти насаждения процветают выше всякого ожидания, обещая произведения богатые. Исчислено, что десятилетнее дерево дает двадцать пять бутылок масла; потом количество увеличивается вдвое; а бутылка масла стоит на месте в Крыму рубль. Произведения виноградников еще изумительнее. Бургонския лозы, самага нежнаго качества, из которых выделываются лучшая вина, дают по двадцати боченков с арпана. Это обетованная земля. Прежде отъезда из Алушки, я посадил в саду тюльпановое дерево, которое графини Воронцовой угодно было назвать моим именем. Усладительно мне думать, что оно будет иногда напоминать обо мне обитателям этих мест. Воспоминание о них самих никогда не оставит меня.

20 Июня я приехал на несколько времени в Орианду, к графу Витту. Там опять встретил г-жу Собанскую. Я уже говорил, что ничего не может быть приятнее Орианды, а наши хозяева еще увеличивали очарование ее своим

присутствием. Вид отсюда обширный, и самый прелестный по всему берегу. Он обнимает весь Ялтский залив, до Аю-Дага, или Медвежьей горы, которая оканчивает его. Видны долина Рекафешская, Ялта, и весь берег Массандры, Никиты, Гурзуфа. Это поместье прилегает к другому, принадлежащему ИМПЕРАТОРУ, и где, как говорят, хотел поселиться Император Александр, желая провести последние годы своей жизни в удалении от дел. Если бы приличный дом был прибавлен к прелестнейшему здешнему саду, это было бы очаровательное убежище. Дом графа Витта прелестен, хотя не роскошен; в нем везде виден характер хозяина его. Во-первых, все полезно и сделано с какою-нибудь целию: в нем найдете удобства жилища уже старинного, а едва ли оно было начато за два года. Сад будет со временем превосходен; а отделенные под насаждение части его уже теперь производят много. Местоположение дома самое счастливое: углубление в склоне горы образует поляну, на которой он поставлен. В одно и то же время он на вершине прелестнаго амфитеатра, и двух стах девяноста метрах над морем, вровень с большою дорогою, идущею вдоль всего берега, и при подошве скалы, которой основание окружено прелестными деревьями, а вершина представляет острия, сухия, обнаженныя скалы, напоминающия самые строгие виды Альпов.

Это место и миловидно и величественно и живописно. Самая низшая из острых скаль и ближайшая к дому, в трех стах семидесяти семи метрах над поверхностью моря.

Граф Витт собрал у себя все общество, живущее на берегу, и дал мне праздник премилый. После прогулки и роздыха в лесу, замедленных под разными предложениями, великолепная иллюминация цветными фонарями вдруг явилась на всех соседних скалах. Она, выказывала все, что представляла замечательнаго природа в своих формах. Вскоре после этого фейерверк, зажженный на разных возвышениях, сменил иллюминацию. Никто не был предупрежден, все казалось внезапным, и действие, прекрасное само по себе, еще увеличивалось нечаянностью. Приготовления были сделаны в Одессе, и все привезено по секрету на том же пароходе, на котором были мы сами. Нельзя выразить, с какою любезностью, дружбой, с каким радушием принимали меня в Орианде. Я не забуду об этом никогда.

24-го утром мы прибыли в Судак, и бросили якорь на иностранном рейде, Древнее Генуэзское укрепление занимает высокую скалу. Это уже не прелестный южный берег; здешний бесплоден и сух: это печаль природы. Но долина обработана и зеленеет. Она то суживается, то расширяется, представляя как бы углубления, которыя одно за другим мелькают перед глазами. В этой долине всегда были насаждения винограда, и Судакское вино славится с давних времен. Каждый может хранить здесь свои вина, за небольшую плату, в огромнейшем погребе, вырытой в торфяной почве, которая поддерживается без кирпичного свода и без столбов. Значительный виноградник, которым прежде владел Г. Амантон, из Дижона, а теперь владеет другой земляк мой, Лосуа (Laussoi), обрабатывается на его счет. Этим именем управляет девица Жакмар, уроженка Нви (Nuits) в Бургони, одаренная смелостью и способностями. Девица Жакмар, еще молодая, и незадолго еще красавица, недавно была жертвою ужаснаго преступления. Говорят, что в нее смертельно влюбился один молодой Грек. Она оказала ему презрение; он пришел с неистовство, и встретивши ее одну, хотел убить. Она избавилась от смерти каким-то чудом, и множество нанесенных ей ран, по счастью, не оставили ни каких следов на ея лице.

Такое же поместье подле, Судака принадлежит ИМПЕРАТОРУ, и доставляет вина, которых не отличат знатоки от лучших Бургонских. Нельзя понять, чем была полезна эта колония Генуэзцам? Все произведения в ней такая же, как подле Генуэзской реки, а безопаснаго якорнаго места нет. Мы возвратились на корабль и продолжали плавание.

Утром 25-го числа мы были перед древнею Феодосиею, после известною под именем Кафы. Это один из древнейших городов Крыма. Основанный колониєю Ионийских Греков, он назван Феодосиею по имени жены Левкона, Босфорскаго царя, который овладел им после долгой осады. История говорит с похвалою об этом царе. Он, в своих областях, привел в цветущее состояние земледелие, и облегчил вывозы из порта, совершенным освобождением кораблей от всяких пошлин за вход и выход. Он спас Афины от великаго голода, пославши туда двести тысяч Аттических медимнов пшеницы, за что ему и потомкам его было дано право гражданства в этом городе.

Во времена Восточной Римской Империи, Генуэзцы поселились в Феодосии, и купили землю ея у Крымских ханов. Тогда сделалась она местом обширной торговли, которая простиралась до Индии, чрез Каспийское море и Астрахань. Феодосия стала чрезвычайно богатым и важным городом. Существующие развалины и объем окружности ея, который легко назначить, дают право думать, что в ней никогда не было больше ста тысяч жителей. Но она пользовалась такою блестящею известностию, что папа Климент VI почитал не лишним увещавать христиан к Крестовому походу для защиты Феодосии от Турок. Она пала в их власть через тридцать лет после взятия Константинополя. Магомет II-й завоевал ее в 1475 году.

Говорят, что прежде окрестности города были богаты, плодоносны, изукрашены; теперь они печальны и вовсе без деревьев. Но горы, окружающие их, при некоторой попечительности, были бы способны ко всем родам возделывания. Недавно учрежденный лазарет устроен превосходно во всех отношениях. Граф Воронцов много занимается общественным здоровьем, и своими распоряжениями заботится предохранить страну от бедствия, которое, несколько лет назад, опустошало Крым.

Жителей в Феодосии теперь тысяч семь или восемь. Это один из самых значительных городов в Крыму, место для торговли и для вывоза произведений всего полуострова; но природа не благоприятствует ему, и никогда этот город не делается очень важным. Удобная для экипажей дорога ведет в Симферополь.

В Феодосии встретил я Француза, Марсельскаго уроженца; это г. Клари. Он, без всяких капиталов, собственною оборотливостию, завел бумагопрядильню, которая процветает. Все средства нашел он с самым себе, хотя ему близкая родня один из богатейших негоциантов в Европе, и одна царствующая королева^[5]. Вечером мы сошли на корабль, и часть ночи оставались на якоре: глядели на освещение города и на фейерверк, сожженный там. 26-го числа прибыли мы в Керчь.

Керчь построена на месте древней Пантикапеи, города, некогда занятого Митридатом,

Здесь-то окончил свое поприще и свою жизнь знаменитый неприятель Рима. Город находится в средоточии страны, которая составляла древнее царство Босфорское. Вся окружающая его обширная долина усеяна бугорками (tumulus), которым нет числа. Здесь обыкновенно жила древняя поколения Скифов, заставлявшая Римлян трепетать. В каждом бугорке есть гробница; но это, верно, были гробницы начальников и людей значительных, потому что видны другие места, служившие общим кладбищем по числу могил можно судить, что здесь жило народонаселение большое, и долго. Разрытия этих могил продолжаются непрерывно, и иногда ведут к открытиям драгоценным для антиквариев. Несколько лет назад, в одной гробнице, нашли корону, и другие царския принадлежности массивныя золотыя. Здесь еще все напоминает Митридата и носит его имя: можно подумать, что он недавно жил. Величие подвигов оставляет воспоминания неизгладимые: не всегда необходим успех, для того чтобы блистать в потомстве; довольно если человек защищал справедливое дело, и защищал мужественно, упорно. Митридат всю жизнь свою сражался, сопротивляясь Римскому угнетению: боец покоренных народов, он

хотел быть мстителем их, и погиб среди своих подвигов. Мнение народов и признательность их вознесли память и окружили имя его славой и блеском.

Керчь главное место округа, составляющаго особое градоначальство, которое называется Керчь-Еникальском. Еще недавно Керчь была пустынное место; теперь это цветущий город: он возвысился быстро и приобрел очень скоро важность, обеспечиваемую для него выгодами торговли.

Вывоз зерноваго хлеба, с берегов Дона и с севернаго берега Азовскаго моря, производился прежде через Таганрог. Он не мог быть деятельным, потому что этому противилась природа, представлявшая затруднение непреодолимое. Мели Азовскаго моря, и жестокие ветры, часто бывающие там, оставляют свободным плавание не много месяцев, для кораблей большаго груза. Если прибавить еще то обстоятельство, что предохранительныя меры, по всему берегу Азовскаго моря, необходимо увеличивали медленность путешествия, то легко будет понять, что корабль из южной Европы, шедший в Азовское море за хлебом, мог нагрузиться только

раз в год: это чрезвычайно увеличивало расход перевозки, и следовательно уменьшало прибыли торгова.

Граф Воронцов, постигая умом все полезное, обдумал мысль, которая должна была сделать возможным и обычным кораблеплавание по Азовскому морю во весь год, и с тем вместе дать средства кораблям Французским, Итальянским, или Греческим, всегда получать для себя груз. Для этого он подвергнул карантинным мерам все Азовское море. Корабль, идущий из Константинополя, допускается в это море не прежде, как выдержав карантин в Керчи, где есть рейд, просторный и совершенно безопасный. Там могут останавливаться самая большия купеческия суда; сверх того, учрежден самый обширный лазарет, и есть огромнейшие магазины, достаточные для всех потребностей торговли.

Эти распоряжения имеют двоякое следствие: во-первых, карантинное охранение гораздо удобнее в одном мести, нежели, как прежде, по большому протяжению берега; следовательно твердая земля вернее предохранена от опасностей язвы; во-вторых, плавание по Азовскому морю предоставлено принадлежащим ему судам, небольшим, которыя могут привозить в Керчь свои грузы почти во всякое время года. Сверх того, по Черному морю можно плавать круглый год, и следовательно суда могут приходить в Керчь непрерывно? а учрежденные там складочные магазины доставят им груз всегда. От такого распоряжения переменялись все торговья отношения страны: оно делает свободными и легким сообщение, приготавливая таким образом развитие обширной торговли.

Кроме складочной торговли, которую должна производить Керчь, там уже сделались важны другие предметы, произведения туземнаго. Ловля морской рыбы представляет чрезвычайныя выгоды: каждый год она дает два миллиона сельдей и безчисленное множество осетров. Эту рыбу солят на Голландский манер, и вывозят во внутренность империи, или за границу. Два миллиона пудов чистойшей соли, из озер Апутскаго и Черуфскаго, потребляются в южной России. В превосходных каменоломнях добывают великолепные каменя, которые также вывозятся в разные места. По всему этому, Керчь делается важным городом. Желая, споспешествовать ея благосостоянию, из округа Керченскаго сделали особое градоначальство: власть, своим непосредственным покровительством, хотела присоединиться к созданиям торговли, и до сих пор успех оправдывал все надежды.

Движение торговли и мореплавания возвысилось до такой степени, что каждый год приходит в Керчь около четырех сот кораблей, которые нагружаются там, или идут в Азовское море. Число каботажных судов бывает от пяти до шести сот.

Керчь, за пятнадцать лет ничтожная деревенька, теперь красивый город, населенный тремя тысячами жителей. Здания воздвигаются изящныя; видно, что жители заботятся не только о своих нуждах, но действуют как народонаселение богатое и образованное, которое занято оборотами торговли. Тотчас заметно в каком духе и с какою целью строятся дома. Иностранцы, понявшие будущность этого города, присоединились к его богатой судьбе, и принесли свои капиталы и свою промышленность. В числе их, пришло искать здесь счастья много Рагузинцев, которые, при нынешних обстоятельствах своего отечества, не находят элементов богатства, какое давали им некогда и флаг и независимость.

План города, утвержденный наперед, ручается за хорошее его расположение, и уже теперь можно, судить о том, что предназначает время для этого рождающагося города. Равнины вокруг него таковы же как все Крымския: оне печальны, однообразны, сухи, без деревьев. Однообразие их умеряется только множеством бугорков, которыми оне покрыты. Но земля здешняя плодоносна, и надобны только руки, чтобы заставить ее производить все. Меня вновь уверили, что, и благоприятные годы, рожь и пшеница родятся на здешних полях сам-пятнадцать, двадцать, и даже двадцать пять.

В Керчи приняли меня как принимали везде: таже усердная заботливость, таже нежное внимание. Градоначальник здешний, Грузинский князь Херхеулидзеv (Chechezdalise, по правописанию автора), устроил прелестный праздник, на склоне холма, называемаго Креслами Митридата. Цирк из зелени был украшен флагами, которые означали границу его и служили ему крышею. Убранство составляли военные трофеи и знамена; в главном трофее было Мальтийское знамя. Известно, что император Наполеон поместил его в мой герб, за отличие, оказанное мной при взятии города Мальты, причем я был произведен и в бригадные генералы. В цирке был дан бал; там собралось восемьдесят дам, из которых по крайней мере двадцать пять отличались своею прелестью. Была пропета Русская кантата, сочиненная на этот случай; потом декламировали Итальянские стихи, танцевали Рагузский танец, которому в здешнем городе дали мое имя. Словом, ни что не было забыто, и все внимание обращено было к тому, чтобы сделать приятным для меня этот праздник. Из всех удовольствий, какими окружали нас, я был особенно растроган Казацкой музыкой: самые превосходные голоса пели тоскующая, меланхолическия песни, наполненные усладительной мелодии.

На другой день производились разрытия бугорков (tumulus): нашли только вазы и другие не значительные предметы. Я взял, на память, железа Скифских стрел, которыя были положены в одну из гробниц. Я также осмотрел музей, где собирают драгоценные предметы искусств, находимые при разрытиях. Там довольно много разных камней, обломков мраморных статуй, урн, ваз, монет и золотых женских вещиц. Есть также два превосходные мраморные саркофага, отличной скульптуры, напоминающие лучшую эпоху изящных искусств.

Керчь, рождающаяся колония, имеет все, что может служить к ея процветанию. В школе, отлично хорошо устроенной, учат молодых людей первым основам наук, и языкам Русскому, Греческому, Итальянскому и Французскому. Так везде, в Южной России, видны постоянныя усилия правительства к развитию умственных способностей народа.

28 числа мы сделали поездку на остров Тамань. Вышедши там на берег, мы вступили в Азию, потому что с этой стороны Босфор отделяет Европу от другой части света. Остров Тамань омывается Босфором, Черным морем, Азовским морем и Кубанью, которая впадает в Черное море, служа границею северной части Черкесской земли, Тамань богат пастбищами; он худо обработан от недостатка в жителях, но земли его очень плодоносны. Его занимают Казаки, так называемые Черноморские.

Черноморские Казаки составляют часть населения, взятаго из Казаков Днепровских и Бугских, которых Екатерина II послала оберегать и защищать всю границу от истоков Кубани до устья ея. Это население процветает; оно теперь довольно многочисленно и собственными силами выполняет обязанность, наложенную на него.

Вся безопасность страны основывается на его бдительности. Черкесы ведут непрерывную войну с Россиею, и до сих пор не могли их покорить. Они занимают вершины Кавказа и северную отлогость его. Посреди самых бесплодных и крутых гор, они живут там как в крепости; но господство их простирается и на места больше низкия и богатые, до Кубани. В северной части горной покатости, к Каспийскому морю, черта границы их идет по правому берегу Терека, и промежуток между обеими реками занят и оберегается другими Казаками, известными под именем Казаков Линейских. К югу, уже за Кавказом, Грузия, страна мирная и совершенно спокойная.

Остров Тамань богат хорошими лошадьми, и их так много, что они стоят не дорого. Граф Витт купил одну из лучших, в полном уборе, за двести франков. С берегов Кубани ясно видно Кавказ, со своими вершинами, покрытыми вечным снегом. Эта цепь гор величественна, и вполне напоминает наши швейцарские Альпы. Мы завтракали у вдовы Казацкаго полковника, которая приняла нас как могла лучше, с простотою первых веков общества. Сын ея, казацкий

офицер, и некоторые из его товарищей, показывали свое искусство в верховой езде, достойное удивления быстротой и ловкостью.

Вообще все Казаки на этой границе чрезвычайно ловки. Малая война, которую они непрерывно ведут с Черкесами, экспедиции их для захватывания неприятельского скота, и постоянная бдительность, какой требует сохранение собственных стад, делают их удивительно сметливыми и необыкновенно отважными. Безпрестанное упражнение умственных и физических способностей, во всю жизнь, образуют из них удивительных людей для службы легкаго войска. Не устройство, а природа, и общественныя и политическия условия положения делают Казаков. Но я говорю о пограничных Казаках, и первая война покажет превосходство их над Казаками Донскими: эти находятся теперь внутри земель, наслаждаются совершенным миром, и не имеют поощрения и воспитания, какия дает пограничная война. Таким образом они входят в разряд всех других, войск, хотя устройство их совершенно особенное.

После этой небольшой поездки в Азию, взглянувши на величественный Кавказ, испивши Кубанской воды, мы возвратились на Керченский рейд, где я должен был проститься с дамами, и ехать с графом Воронцовым на другую сторону Азовских берегов, в гражданския поселения, более на север.

Июня 28-го, после полудня, мы сели на пароход, и еще не настала ночь, как мы уже прошли Босфорский пролив и оставили за собой Еникале и маяк. После тридцати шести часов плавания мы прибыли к северному берегу и вышли в Преображенске (Begenski). Этот пункт; избранный графом Воронцовым для устройства порта, очень выгоден. Он соответствует средоточию страны, производящей много хлеба, для котораго необходимо облегчить вывоз. Углубление порта хорошо, стоянка закрыта мелями и выдавшимся в море мысом. До сих пор, самым обычным местом на грузки и портом, на здешнем берегу был Таганрог; но этот город находится близ устья Дона и наносы реки обмелили там море на довольно большое расстояние от берега Суда, требующия даже малаго углубления, не могут подходить к берегу ближе двух верст, и надобно в телегах перевозить весь их груз, по всему этому пространству, покрытому морскою водой. Разумеется что такая местность несообразна с деятельною торговлею.

В Преображенск будут собираться все каботажные суда здешняго берега; будут приходить и корабли из других стран. Малое народонаселение, две тысячи душ нынешних жителей, легко увеличится там, в ущерб Таганрогу: сверх того поселятся иностранцы. Словом, учреждение здешнего порта довершит всю торговую систему этой части Южной России.

Мы слушали молебствие, которое было совершено при начале работ. Граф Воронцов назначил что должно делать, и, по его приказанию, главной улице дано мое имя. Мы останавливались у одного негациянта, который выехал из внутренности России и поселился в Преображенске, привлеченный выгодами, какия обещают местное положение и начатыя работы. Он угощал нас великолепно и подчивал иностранными винами превосходнаго качества, между прочим очень хорошим Шампанским. Едва ли так хорошо выполнил бы все это какой-нибудь богач французскаго города; а уж вено не сделал бы лучше. Очень любопытно заметить, что обычаи, вкус, хорошее обращение и привычки западной и средней Европы, дошли до такой степени в этих новых и отдаленных странах.

В недалеком расстоянии от берега есть население, которое недавно существует здесь под названием Казаков Азовскаго моря. Это те самые обитатели берегов и островов Дуная, которые, при начале последней Турецкой войны, перевезли Императора Николая на правый берег своей реки. Он великодушно вверил себя их преданности, и успех увенчал его великодушие. Этого народа тысяч тридцать: его перевели в здешнюю страну и дали ему

земли, которых он обрабатывает теперь. Надобно еще несколько лет, чтобы настоящим образом устроить народонаселение и подвергнуть его уставам дисциплины; но уверяют, что и теперь успехи уже очень заметны. Мне не по дороге было заезжать в ту сторону, и потому я не видал этого народа.

Ногайские татары, потомки Чингис Хановых сопутников, составляющие теперь племя в тридцать четыре тысячи души, были с незапамятных времен жителями степей около Астрахани. Екатерина II, после завоевания Крыма, вывела их на берега Азовского моря, желая придать вид жизни пустыням, тогда завоеванным ею. Татары пришли со своими нравами, образом жизни, со своими обычаями. У них было множество скота и особенно лошадей: они долго оставались пастухами.

Лет тридцать назад, один французский эмигрант, граф Мезон, предложил Императору Александру заняться улучшением нравов этих Татар. Предложение его приняли, и он поселился между ними, предал всего себя попечениям, необходимым для достижения такой цели. Есть люди, которые вдруг воспаляются мыслью об общественном благе полагая славу свою в осуществлении такой мысли, они покупают успех пожертвованием благосостояния всей своей жизни. Таков был и граф Мезон, и он достиг исполнения своего желания. Все это народонаселение, хотя еще очень жалкое, переменило однако ж нравы, в самих основаниях своего быта. Теперь оно занимается земледельческими работами и существует обработыванием земли, хотя не отказалось от прежних привычек: кобылье молоко все еще любимая его пища. Число лошадей у них, очень значительно.

Эти татары почитаются добрыми и кроткими людьми, хотя они очень склонны к краже, особенно лошадей. Расположение к грабежу в их природе; однако они верно хранят вверенное им. Можно сказать, что они находятся на первой ступеньке оседлаго быта, следующего за бродячею жизнью. Черты лица их напоминают древнее их происхождение: у них Китайский и Монгольский облик, и все они удивительно похожи друг на друга. Физиогномия их, тонкая и улыбающаяся, ни мало не противна. Дома этих Татар не что иное как очень хорошие хижины; однако я знаю такие части Европы, где крестьяне помещаются хуже. Ни каких насаждения еще не украшают их деревень.

Граф Мезон жил посреди этого населения, в месте, названном Ногайском, по имени народа, которым он управлял. Он выстроил обширный дом, и засадил около шестидесяти арпанов земли, где деревья растут превосходно. Этот лес, посреди обширных и совершенно обнаженных равнин, представляет зрелище приятное. В Ногайске мы ночевали. Вся страна, от самого моря, удивительно плодоносна; растительность богатая и сильная. В обработанных частях, жатвы бывают прекрасныя; там, где природа оставлена самой себе, есть богатая пастбища, и на них трава, по большей части, так высоко, что ее можно косить.

Это народонаселение, своею физиогномиею, одеждой, украшениями женщин, которых думают придать себе ими красоту, представляет самую разную противоположность с нравами и обычаями Европы. Величайшее щегольство у женщин: носит кольцо в левой ноздре, которую прокалывают для этого.

Путешествуя по южной части России, встречаешь, на нескольких лье расстояния, такая противоположности, что они напоминают то варваров Тибета, то самые промышленные и гражданственные народы средней Европы. Судя по несообразностям, которых поражают глаза, можно подумать, что вы в один день проехали несколько тысяч миль. Например, ничего не может быть любопытнее противоположности между Ногайцами и соседями их Меннонистами. Из Ногайска мы приехали именно к ним.

Меннонисты составляют религиозную секту, и живут большею частью по берегам Вислы. Они Немцы происхождением и имеют отдаленное сходство с Квакерами. Они ужасаются пролития крови, и потому не могут быть солдатами. Это правило у них доведено до того, что они почитают недозволенным защищаться. Применение такого правила для них не представляет никакой опасности, потому что нравы их кроткие, тихие, верно изображающие золотой век. За тридцать с чем-то лет, довольно большое число семейств этой секты просило у Российскаго Императора земель в степях, обязываясь сделать их плодородными.

В России существует терпимость для всех вероисповеданий, для всех религий. Она для правительства не только правило или аксиома, а давно выполняемая существенность. Сверх того, когда права или преимущества даны, их уважают и позволяют мирно пользоваться ими.

Меннонистов приняли на условиях, о которых они просили, и они поселились в этих пустынных местах. Каждому семейству дали в собственность шестьдесят пять десятин земли и соразмерное число лугов. Дали также нужное количество лесу для постройки домов, с тем, чтобы они заплатили за это в определенное время, и требовали только, чтобы каждое семейство, пользуясь таким вспоможением, приехало с капиталом от тысячи двух сот до полуторы тысячи рублей. Эти условия приняли тысяча семь сот семейств. Они были разделены на сорок одну деревню и начали трудиться. Теперь, деревни их напоминают прекраснейшия части Швабии, Баварии, Австрии. В них красивые домики, с садами и рощами. Жители обзавелись превосходным скотом, и все наслаждаются видимым благосостоянием и довольством истинным многие даже составили себе огромныя богатства. Приведу здесь один пример, разительный и почти невероятный.

Меннонист, именем Корнис (Cornis), бывший моряком в Данцигском порте и путешествовавший в Индию, один из первых поселился в этой стране. Жена и трое сыновей составляли семейство его. Капиталу привез он с собой не больше тысячи рублей. Правительство дало ему, как в всем другим колонистам, шестьдесят пять десятин земли в собственности и отпустило лес для постройки дома. Он занимался земледелием успешно, жил хорошо, и через восемь лет, согбенный под тяжестью годов, разделил все нажитое сыновьям: пришлось каждому по четыре тысячи рублей, включая тут и ценность земель. Один из сто сыновей, у котораго я квартировал (теперь самый значительный человек между всеми колонистами), не получил в участок земель, и на свои четыре тысячи рублей начал небольшую торговлю коровьим маслом. Три года продолжалась эта торговля, и капитал его вырос до семи тысяч рублей.

Тогда он купил земли и двести пятьдесят овец плохой породы: после он достал себе отборных баранов: стадо его улучшилось и увеличилось. Он нанял земли; потом купил. Он обрабатывал их только для потребностей своей семьи и своей экономии, но никогда не занимался земледелием для продажи хлеба. Все обороты его ограничивались скотоводством.

Теперь у него семь тысяч голов тонкошерстных овец и баранов, восемьдесят коров, сто двадцать пять приплодных кобыл, три тысячи пять сот десятин земли, которые купил он, и четыре тысячи десятин наемных; правда, наем очень дешев: по пятнадцать копеек за десятину. Все заведения у него устроены и содержатся хорошо; он завел разсадник и сделал большия насаждения. Одна из овчарен его, которую я осматривал составляет вместе с другими строениями огромную общность, где все в прекрасной соразмерности. Сенник устроен над всем протяжением овчарни, в которой содержится две тысячи четыреста овец, и все это здание стоило хозяину только три тысячи двести рублей. Стадо приносит ему каждый год доходу больше пятидесяти тысяч рублей, конский завод десять тысяч, и лошади продаются от двухсот до двухсот пятидесяти рублей. Следствие удивительное и огромное.^[6]

Нельзя надивиться этим колониям, где, весь возможный порядок, благосостояние и добродетели поражают наблюдателя. Можно представить себе каковы здесь честность, нравственность и дух народа, если узнаем, что в продолжение тридцати шести лет, в этой колонии, где живет тысяча семь сот семейств, не было ни одного процесса! Едва вероятное дело! Но сначала Корнис, а потом и другие Меннонисты уверяли меня в этом. У них нет священников их исповедания; они очень благочестивы и часто собираются на молитву. Соседство Меннонистов должно благотельно действовать на образованность Ногаев. Этих уже поражает разница между их землями и землями их соседей, и, не задолго до моего приезда, Ногаи приходили просить у Корниса плана для перестройки их деревни.

1 июля я оставил эта колонии, унося в душе глубокое чувство уважения и удивления. Мы ступили на землю Духоборцев, странного народонаселения, которое представляет величайшую противоположность с виденным нами перед тем. Духоборцы—секта, не имеющая никакого определенного верования. Они только читают молитвы, что кто выучил или составил сам. У них нет священников, и они собираются, в назначенные дни, молиться Богу вместе. В этих сборищах мужчины и женщины смешиваются; говорят, что после молитв бывают большие беспорядки, и что в этом Духоборцы думают следовать вдохновению. Они говорят, что Божество заключается в них самих и показывает им свою волю, призывая смешивать свои души и назначая выбор. Они верят преданиям, но не письменным; верят переселению душ, и полагают, что после смерти души добрых переходят к добрым, а души злых к злым. Читать и писать они не учатся.

Духоборцы происходят из разных мест России, но особенно из Архангельской губернии, из Финляндии и Астрахани. Прежде их ссылали в Сибирь, чтобы не допустить обращать в свою секту, Император Александр отменил эту меру, которая казалась ему слишком строгою: но чтобы предупредить распространение зла, он послал Духоборцев сюда, населить степь, и составил из них одно народонаселение, замечательное дело, что общество, на таких основаниях утвержденное, идет не совсем дурно, и земли его обработаны довольно хорошо; в деревнях не видно никакого беспорядка, нарушающего общественное спокойствие; подати выплачиваются исправно. Многие члены этой секты оставили ее, и обратились к истинному верованию; сорок семейств приняли Греко-Российскую религию. Впрочем, всего этого народа не больше четырех тысяч душ обоего пола.

В соседстве живет другая странная секта, похожая на эту и называемая Малаканами (Malakas), но в ней всего восемь сот человек.

Вечером 1-го Июля мы приехали ночевать в великолепный овчарный завод, принадлежащий принцу Ангальтскому. Только пять лет как он начался и вскоре дойдет до совершенства. Император уступил принцу Ангальтскому в степях пятьдесят четыре тысячи десятин земли. Владелец намерен содержать сорок тысяч овец: теперь их уже двадцать четыре тысячи. Мне показалось, что хлева построены уж слишком ценно; тут нет надлежащей сметливости эти заведения не таковы, как у Меннониста Корниса.

Овцы прекрасны, хотя и не взрачны; пастбища для них так хороши, что совсем не нужно давать хлеба животным. Управляющий сказал мне, что он признал выгодным ограничить земледелие, потому что цены на хлеб низки. В обыкновенное время, квинтал ржаной муки продают за двадцать четыре французских су. Зимой с 1833-го на 1834-й год, овцы провели почти всю на пастбище, и которых больше других оставались с хлеву, те пробыли там одиннадцать дней. Нигде, ни в западе, ни в севере Европы, нет таких выгодных обстоятельств для этого рода промышленности.

Прибавлю некоторые сведения, после доставленные мне об этой промышленности, столь важной для южной части России. Мне сообщил их Г. Куликовский, предводитель дворянства Перскопского округа, когда я видел его в Хромом, близ которого у него есть обширные земли и огромная стада.

Г. Куликовский рассчитывает, что надобно четыре человека на тысячу овец, если требовать хорошаго присмотра за ними. Этим людям жалованье по восьмидесяти рублей в год, да две четверти пшеницы и одну ржаной муки на человека; сверх того небольшие подарки. Для овцы надобно шесть пуд сена в зиму. Десятина часто доставляет триста пуд сена; вернее рассчитывать надобно на половину. Хлеба не дают овцам никогда; небольшое количество идет его ягнятам, когда их отымают от матери. Можно рассчитывать, что заведение, для прокорма трех тысяч овец, и для помещения людей, необходимых для присмотра за ними, потребует четырех тысяч рублей. Г. Куликовский думает, что выгоднее покупать хлеб, нужный для продовольствия, нежели сеять его самим. Овца на десятину: вот настоящая соразмерность, для определения силы стада.

2-го Июля мы отправились из овчарнаго завода Ангальтскаго принца, возвращаясь в Крым через Перекоп.

Древняя черта идет по всей широте перешейка и оканчивается на запад у Чернаго моря, а на восток у лагунов, которые намываются Гнилым морем и имеют сообщение с морем Азовским. Эта черта — глубокий ров; земля, выкиданная из него на сторону полуострова, составляет род вала, впрочем, кажется, никогда не приведеннаго в порядок. Посредине, в равном разстоянии от обоих морей, есть старинная крепость, построенная Турками: ее поддерживать и поправляют, но она важна только для полицейскаго управления страны. Лагуны Гнилага моря довольно обширны. Теперь занимаются устройством сухопутнаго сообщения между Гнилым морем и берегом Азовскаго моря. Это соединит Керчь с твердою землею и будет очень полезно.

Взглянувши на Перекоп, я осмотрел соляные прииски, самородные, неизмеримые и неистощимые. Соляные озера сообщаются с морем посредством просасывания, но это просасывание не так быстро как испарение во время жаров. От того летом, когда вода насыщена, соль кристаллизуется по мере испарения. Разсол отзывается горечью, но соль в кристаллах тотчас теряет этот вкус: она лучшаго качества и удивительно бела. Соляные промыслы доставляют произведения больше нежели нужно: они могли бы снабжать солью всю Россию; но ее добывают сколько нужно для потребления в тех местах, куда перевозка не слишком возвышает цену соли. Ежегодно выходит ее отсюда десять миллионов пудов. Для перевозки употребляется полтора ста тысяч фур, и в каждую впрягают пару волов. Правительство платит работникам, добывающим соль; по пяти копеек (одно су Французское) с пуда; продаст ее по восьмидесяти копеек потребителям; но жители Крыма платят только пятнадцать копеек. Частные люди, имеющие соляные озера на полуострове, могут добывать, продавать свободно в Крыму, и отпускать за границу всю добытую ими соль, платя легкую пошлину по пяти копеек с пуда. За каждую фуру запряженную двумя волами, платят по два рубли с копейками в день.

Я ночевал в Хромом. 3-го Июля отправились мы оттуда в Козлов, где я должен был сесть на корабль. Но дорогой я останавливался в Сарке, осмотрел целительныя грязи, благотворныя своим действием. Оне вблизи одного солянаго озера; похожаго на ближайшия к Перекопу; это озеро доставляет в год два миллиона пудов соли. Основанием целительных Крымских грязей служит чрезвычайно жирная глина; в них заключается много содовой солекислой соли, и довольно большое количество серы и железа. Они удивительно черны, разгорячаются от солнца, и получают температуру в сорок пять градусов по Реомюру, которая поддерживается в

них долго. В грязи погружаются до шеи. Больные иногда могут выдержать это очень немного времени; но другие остаются два и три часа. Эти грязи производят сильнейшее раздражение кожи, так что иногда верхний покров ее слезает. Люди, совершенно разслабленные, чувствовали удивительные действия их и совершенно излечивались в немного дней. Правительство выстроило на самом этом месте дом, для приезжающих пользоваться грязями.

Наконец я приехал в Козлов, город, занимающий место древней Евпатории, названной так по прозвищу Митридата, которому придавали имя Евпатора, Екатерина II, любя пробуждать великие исторические воспоминания, возвратила городу древнее его название, и теперь новый город, где нет ни малейшего следа древности, без различия называют Козловом или Евпаториею. Народонаселение его, богатое и торговое, все состоит из Жидов-Кираимов и Татар; оно простирается до двенадцати тысяч

душ. Козлов один из деятельнейших портов Крыма, и один из тех городов, где больше производят дел.

Не доезжая до этого города, я увидел депутацию, составленную из главнейших Жидов-Караимов: они, верхами, выехали на встречу ко мне с поздравлением, и приветствовали меня чем-то в род гимна, сочиненного в честь мою. Я квартировал у одного из главных жидов, которого имя Пабонч (Pabontsch). У него прелестное жилище, напоминающее восточный стиль. Заботливости и внимания ко мне не было конца.

На другой день, 4-го Июля, мы посетили главную мечеть и синагогу, и в обоих этих храмах были отправлены молитвы о благополучном моем путешествии.

Мы ездили осмотреть еще одно поместье графа Воронцова, в округе который занимается особенною промышленностью. Только оттуда, да еще из окрестностей Керчи, получают ягнячьи шкурки (мерлужки), несправедливо называемая (во Франции) Астраханский. Шерсть на них курчавая, серая с черным. Красоту руна своего ягнота получают от пастбищ на небольшом полуострове, в двадцати лье на северо-запад от Козлова. Впрочем, влияние пищи оказывается только на особенной пород, потому что если стадо этой породы, оставляя пастбища полуострова, теряет свои отличные качества, то стада других пород, приводимая туда, не приобретают тех качеств. Вот как производится эта промышленность, очень прибыльная для владельца, но непрерывно истребляющая животных. Чтобы получить красивыя шкурки, надобно бить ягнят при самом их рождении, потому что когда они вырастают, шерсть их переменяет цвет. Шкурки продаются по пяти рублей за штуку; мясо ягнят, отлично вкусное, также очень уважается. Самыя нежныя шкурки получают от ягнят, которых матери зарезаны перед самым тем временем, когда им ягниться. Эти гораздо дороже, потому что за них надобно взять цену ягненка и матери его.

Таким образом, почти вся эта промышленность основана на производстве ягнят. Маток сберегают для приплода, а самцов оставляют только необходимое число, для сохранения породы. Когда овцы лишаются таким образом ягнят, из молока их делают сыр.

Эти животные требуют немного пищи, и стада их, с расчетом содержимыя, дают своему хозяину больше самых лучших стад мериносов.

В этом же месте, в имении графа Воронцова, есть гавань, естественная, произведенная самой природой. Когда окончатся работы, начатыя им для устройства ее, это будет место нарузки и вывоза леса, которое привлечет народонаселение и торговлю.

Я оканчивал первую часть моего путешествия: оно началось при самых счастливых предзнаменованиях. Никогда не принимали путешественника с большим вниманием и больше

постоянным радушием. Я видел предметы самые достойные участия, самые важные для моего любопытства, и везде, был окружен заботливостью. Объезжая эту обширную часть южной России, я мог видеть, какое чувство уважения, почтения, привязанности внушает граф Воронцов своим подчиненным.

По возвращении моем в Козлов, когда я совсем располагался отправиться, меня радостно удивило прибытие прелестной ИМПЕРАТОРСКОЙ яхты: графиня Воронцова, и многие дамы южного берега, приехали распрощаться со мной. К большому моему удовольствию, дурная погода продлила многими днями наслаждение мое оставаться с ними, и 11-го Июля отправился я в Константинополь, на пароходе, отданном в мое распоряжение. Сердце мое было полно живейшей признательности за столько радушия, которое во все время оказывали мне.

КОНЕЦ ПЕРВАГО ТОМА.

---

[1] Прекрасное описание отчаянного сопротивления Мармонова корпуса под Лейпцигом можно видеть в книге: *Записки артиллериста* (4 т., 1836 г.). Автор был очевидцем и участником сражения.

[2] Для пополнения этого известия надобно прибавить, что собственно Русская империя разделена для рекрутских наборов на две части, которые через год, поочередно, доставляют рекрутов. *Прим. перев.*

[3] Выходить, что суммою содержания одного солдата в Англии, Франции, Пруссии, Австрии, можно содержать их в России 4?, или 3 10/12, или 2, или наконец 125/50. Разница для кавалерии еще больше.

[4] Автор часто так ошибается в названии полков и именах мест, что иногда нельзя исправить этого иначе, как наугад. Так и этом мест он находит le regiment de Dobrenka; но у нас нет

Добрянского полка.

[5] К семейству г-на Клари принадлежат нынешняя королева Шведская, и супруга Иосифа Бонапарте, бывшего короля Испанского. Оне дочери богатого Марсельского купца, г-на Клари. Прим. перев.

[6] Вот сведения, доставленные мне Корнисом о хозяйственном обороте в здешних степях. Из тысячи десятин, сем сот отделяются для пастбищ, триста для покоса. Пшеница на земле неудобренной, не оставляемой отдыхать в известные сроки, дает двенадцать зерен на одно; овес и ячмень соразмерно тому же. Лучшая жатва третья после расчистки полей. Клевер совсем не удается здесь; люцерна удастся плохо.